

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ГАЗЕТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ 7 р. 50 к.

на 9 мѣс. 5 р. 75 к.

на 6 мѣс. 4 р. —

Отдѣл. номера по 20 к.

Съ доставкой, и пересылкою

на годъ 8 р. —

на 9 мѣс. 6 р. —

на 6 мѣс. 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
за Границою

на годъ 14 р. 50 к.

Статьи и требованія принимаются въ
ред. отд., являющ. д. № 19, к. 3.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—СПб.,
Ивановска, д. № 13, кв. 18.,
а также въ книж. магаз. Виль-
ям. Пер. Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжн. ма-
гастинѣ Малунина.
Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
гастинѣ Александрова.
Въ Тивисѣ—въ книжн.
агентствѣ Шавердова.

СОДЕРЖАНІЕ: Последняяя вѣсточка изъ Сибири.—In hoc Anker. С.—Хроника.—Корреспонденціи.—Сѣверо-азиатская легенда о снѣгѣ небо.
Г. И. Потаповъ.—Губашина свѣдь. Мѣсяцъ Сибирякъ.—Хроника ямскихъ до вѣдѣлю.—Критика и библиографія. Дра М. Писаревъ.—Виреякъ
являющ. д. —Объявленія.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ СИБИРИ.

Кромѣ проекта общественаго управленія государственными крестьянами, прилѣженнаго къ Сибири, весьма давно уже возбужденъ вопросъ о созданіи въ Сибири управленія государственными имуществами для завѣданія государственными землями. Такъ какъ такая реформа свѣдѣла съ поземельнымъ вопросомъ, вѣщающимъ весьма существенное значеніе для крестьянскаго населенія, то, конечно, весьма было бы интересно знать, въ чемъ она будетъ заключаться. Управленіе государственными имуществами, въ видѣ палаты государственныхъ имуществъ, создано было въ Европейской Россіи въ особое время и совершенно на особыхъ основаніяхъ. Палаты эти существовали во времена казенной опеки надъ крестьянами, до положенія 19 февраля руководствовались уставомъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ. Результаты этой опеки въ свое время были извѣстны. Введеніе такой опеки нѣмъ вѣроятно въ Сибири при введеніи новаго общаго положенія для крестьянъ.

Въ чемъ же будетъ заключаться роль новаго спеціальнаго управленія? Весьма интересно знать, какъ разграничены будутъ предметы завѣданія между казенными палатами и особымъ управленіемъ государственныхъ имуществъ, точно также какъ въ чемъ будетъ заключаться ихъ разница? Извѣстно, что сибирскія казенныя палаты весьма мало имѣли свѣдѣній о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, о хозяйственныхъ условіяхъ трая, о земляхъ занятыхъ населеніемъ, о лѣсахъ и угодьяхъ, оброчныхъ статьяхъ, ихъ дѣлности, точно также какъ и о земляхъ, отводимыхъ свободнымъ поселенцамъ и ссыльнымъ. Вообще казенная палата были поделаны этою задачею. Видѣніе ихъ было чисто бюрократическое и формальное, не имѣвшее никакого отношенія къ жизни. Но какъ ни плохи были эти старыя приказныя учрежденія, какъ они ни отличались злоупотребленіями и взытками, но все-таки при нихъ жизнь шла своимъ чередомъ. Они, благодаря апатичности и незнанію, не вмѣшивались въ дѣла на-

селенія. Въ нихъ не было опаснаго побужденія регламентировать и издавать законъ народа въ Сибири, навязывая ему предѣлы и формы. А этой чиновной регламентаціи всего болѣе приходилось страшиться, она могла надѣяться не мало бѣды. Отрѣзку неужью землю, отнимуть угоды—и мужикъ умираетъ!

Сибирь съ своими обширными пространствами и постоянно дѣлающимися и прибывающими населеніемъ, представляла оригинальное явленіе. Народъ владѣлъ землею по обычному праву, самъ онъ завѣдъ землею, самъ онъ размѣскалъ въ своихъ общинахъ. Казенное мѣскаваніе, весьма тутъ подвигавшееся, не успѣвало за жизнью, да и планы мѣстныхъ землемѣровъ не соответствовали дѣйствительности. Эти мѣскаванія выѣзжали на сѣмьку, пользовались крохами населенія и получили названіе «курбодовъ». Ничего въ дѣлѣности, они не привели и ничего не узнали. Надѣлы, проектируемые ими, никогда не осуществлялись, а гдѣ примѣнялись, то выходила только чуха и населеніе по прежнему занимало то, что ему необходимо было для жизни.

Колонизаціи въ Сибири совершалась безпрестанно и населеніе занимало земли не по указаніямъ мѣскавщиковъ, а тамъ гдѣ ему казалось лучше и удобнѣе. Казенныя палаты утверждали уже мѣста завѣтныя. Если бы переислѣдцы дошли бы ожидать отмежеванія земель при слабыхъ мѣскавахъ казенныхъ казѣнъ, то они никогда бы не дождались этого. Десятки тысячъ населенія приливаютъ въ Сибирь и какіе же мѣскавцы здѣсь въ состояніи справиться? Ясно, что Сибирь представляла изъ себя историческую *tabula rasa*, гдѣ населеніе само начертало пути себѣ, гдѣ оно создало экономическую жизнь, имъ руководили практическіе интересы, народный инстинктъ и геній, а не казенскія указанія мѣстныхъ приказныхъ. Благодаря этому только Сибирь заселилась и Россія получила огромную колонію.

Поземельный вопросъ и распредѣленіе земель въ Сибири усложнились, благодаря тому, что русское населеніе столкнулось съ инородческими землями, Сибирь находилась сѣмьными, которые причислялись къ тѣмъ же волостямъ, наконецъ къ старому населенію присоединилось новое. Какъ установи-

лись и устанавливаются поземельные отношения в данном случае, как народ разрабатывается, нам неизвестно, но несомненно, что он регулирует свои отношения помимо канцелярии и суметь так или иначе справиться с этою задачею. Правда, шло бы отъяснен русским населением, осмысленные задачи часто обременены, но впаа здесь не в одном мѣстном населеніи. Колонизация не могла остановиться предъ широческимъ райономъ, и прекратить притокъ осмысленныхъ мѣстныхъ население было безвѣстно.

Тѣмъ же мѣсте настоящій протестъ противъ сдѣлки раздался въ тѣхъ же крестьянскихъ обществахъ, подтверждали только, что уголовная ссылка служить обремененіемъ край и усложнить задачи мѣстной жизни, могшей развернуться болѣе привольно и безопасно. Крестьянство въ Сибіри, какъ вездѣ, установило свои отношенія къ землѣ, создало свой миръ, свои внутренніе порядки, которые приходится еще изслѣдовать и изучать. Тотъ, кто соприкасался съ народною жизнью, кто замѣчалъ въ хозяйственные порядки общины, тотъ не могъ не изучать разноты и способности крестьянства. Смыслу поддушную подать (при настоящихъ условіяхъ крайне несоразмѣрную и неправомерную) оно сумѣло согласовать съ поземельнымъ пользованіемъ, съ хозяйственнымъ достаткомъ членовъ общины и сдѣлать равномернымъ. Достаточно указать на изслѣдованія г. Тригорова, освѣтлительнаго этого предмета болѣе чѣмъ всѣ канцелярии и неправды. Народная жизнь была полна своей мудрости и къ ней дѣлать отступленія легко. Понятно, что предъ нею всякая канцелярія безсильна.

Когда эта канцелярія нукалась руководитъ хозяйственной жизнью народа, въ противорѣчіе народному смыслу, выходили неоправданныя ошибки. Чтобы поощрить развитіе хозяйства въ 60-хъ годахъ, мѣстная администрація устроила продажу оброчныхъ статей въ частную собственность, думая создать землевладѣніе, но кончилось это только убыточной для государства потерей дукатовъ оброчныхъ статей и переходомъ земель къ руки кулаковъ. Правительство нынѣ принуждено было омирать эту мѣру. Вопросъ о надѣлѣ государственныхъ крестьянъ землею въ Сибіри разсматривается въ несколько дѣлъ и мѣстныхъ учрежденій оказались вполнѣ неспособны въ немъ. Во-первыхъ, точныхъ свѣдѣній о земляхъ не оказалось, во-вторыхъ, неизвестно было качество земель, ихъ производительность, доходъ получаемый съ земли. Незавѣстно сколько необходимо земли при извѣстныхъ своеобразномъ способѣ сибирскаго хозяйства, сколько нужно выгоновъ, пашень и т. п. на думу, неизвестно самое хозяйство крестьянъ. Что же можно было здѣсь разсчитать? При этомъ, надо замѣтить, было поставлено задачею, рядомъ съ надѣломъ, сообразить переложеніе поддушной подати на землю, раздѣляя всѣ селенія по извѣстнымъ разрядамъ. Задача эта была еще болѣе сложна и непосильна при незнаніи условій хозяйства и дохода съ земель. Нечего говорить, что мѣстныхъ канцелярій, вслѣдствіи повятія о крестьянскомъ хозяйствѣ, не знали даже какъ приступить къ дѣлу. Подобное распределение налога совершенно произвольно и по фиктивнымъ даннымъ повело бы только къ худшему. Сельскія общества болѣе богатѣли, а бѣднѣли въ обратномъ. Такіе несоразмѣрности и произволъ въ дѣлѣ податномъ могли повести къ безчисленнымъ затрудненіямъ и отозваться серьезнымъ потрясеніемъ на экономической жизни населенія.

Поземельный вопросъ въ рукахъ мѣстныхъ канцелярій поэтому составляетъ до послѣдняго времени камень преткновения и сплошной курьезъ. Весь вынужденъ оиъ заключался въ томъ, что старая канцелярія по робости и апатичности не рѣшалась сочинять и регламентировать лабуумъ. Канцелярія давняя была представителемъ довольно несообразнаго, притѣмъ казеннаго шата Западной Сибіри къ чести своей признали, что на этихъ данныхъ невозможенъ выводъ и сама реформа преждевременна.

Очевидно, что при такихъ условіяхъ поземельную реформу начинать было невозможно, для этого необходимо прежде всего запастись данными и изучить мѣстное крестьянское хозяйство. Одни канцелярскія учрежденія здѣсь безсильны, какъ и мѣстная администрація. Управление государственнымъ имуществомъ въ Сибіри при отсутствіи данныхъ должно быть руководствоваться тѣми же матеріалами, причѣмъ дѣятельность его ничѣмъ не будетъ отличаться отъ существующихъ учреждений.

Нечего говорить, что при такой серьезной реформѣ, какъ поземельная и податная, въ Сибіри необходимо мѣстное знаніе и изученіе этого дѣла, разрѣшеніе его немислимо одной канцеляріей. Это дѣло жизни и потребуетъ участія мѣстнаго населенія. Подобная реформа въ Сибіри можетъ быть осуществлена только влѣдствіемъ съ учрежденіемъ земства, въ которомъ правительству найдеть себѣ готовую орудія. Некому ближе, какъ земству изучить мѣстное хозяйство, быть народнымъ и помочь правильному распределенію подати. Это будетъ живая общественная сила!

Какъ въ дѣлѣ поземельномъ, такъ и колонизаціонномъ едва ли существующія канцелярія могутъ дать надлежащія свѣдѣнія и что либо урегулировать. Влѣдствіе ихъ можетъ послужить только къ задержкѣ колонизаціи и сознанію разныхъ формальностей, которая на самомъ дѣлѣ жизни обойдетъ. Мелочное регламентированіе земель, къ тому же, въ Сибіри неуживо при обширныхъ пространствахъ, представляемыхъ краемъ и выгоду, представляемой свободной колонизаціей. Видѣніе казенныхъ земель и запрещеніе на нихъ селиться поведетъ къ тому, что самая циркуляція населенія и ростъ колоній замедлится, а государство едва ли что выиграетъ. Всякая канцелярія, и въ томъ числѣ особое управленіе государственныхъ имущества, едва ли въ состояніи будетъ справиться со всѣми этими задачами жизни. Несомнѣнно то, что сибирскія управленія государственныхъ имущества, въ случаѣ пристрастнаго или даже только формальнаго отношенія къ крестьянскому дѣлу, могутъ больше причинить вреда чѣмъ внутри Россіи.

Какъ правительство стремится нынѣ къ устраненію излишней административной опеки и предоставленію большей свободы общественной жизни, такъ въ дѣлѣ народной хозяйственной жизни должно стремиться къ устраненію казенной регламентаціи и постепенному предоставленію населенію его самостоятельности. Къ тому же регламентаціи и ограниченія земель въ Сибіри въ предѣлахъ крестьянскаго владѣнія не вызывается никакими объективными. По этому поводу мы не можемъ не привести вполнѣ справедливаго замѣчанія одной столичной газеты, по поводу крестьянскаго вопроса въ Сибіри: «Остатки въ сторонѣ вопросъ о самоуправленіи, должно сказать, говоритъ газета, что распространеніе на сибирскія губерніи поземельныхъ порядковъ губерній Европейской Россіи

мажелеательно и даже неосуществимо въ настоящемъ его видѣ. Извѣстно, что и вообще въ сѣверныхъ губерняхъ дѣло этого устройства загнулось и одна изъ вѣдлѣй приложимо, какъ всякая кабинетная реформа. Замкнутость надѣловъ, прекращеніе прибавокъ земли и переселеній, обращеніе крестьянъ въ полныхъ собственниковъ земли, съ правомъ продажи, все это отозвалось плчевыми послѣдствіями даже и въ центральныхъ русскихъ губерняхъ; въ сѣверныхъ же губерняхъ при большихъ земельныхъ пространствахъ, при суровости климата земледѣльцѣ крестьянъ не можетъ быть заключено въ такія тѣсныя рамки, какія указываются закономъ. Закрѣпленіе за сельскими обществами состоящихъ въ ихъ владѣніи земель на вѣчныя времена, неизываемое дѣйствительною потребностью, тамъ легко можетъ обратиться въ пустую, стѣснительную формальность: намъ случалось слышать такого рода мнѣнія, что въ сѣверныхъ губерняхъ даже и вовсе не слѣдуетъ выдавать записей на крестьянскіе надѣлы. То же самое, съ большимъ основаніемъ, можно примѣнить къ сибирскимъ губерніямъ. Правда, не вездѣ тамъ климатъ суровъ, но и при хорошемъ климатѣ ограниченіе земледѣлія имѣло бы еще смыслъ при одновременномъ распространеніи между сибирскими крестьянами сельскохозяйственныхъ знаний: безъ этого же, когда притомъ большіе земельные просторы легко достижимы для мѣтнаго крестьянина, теряетъ смыслъ и запрещеніе земельныхъ прибавокъ, переселеній, право продажи земли и прочія, слишкомъ извѣстная печати свойства современныхъ нашихъ поселенскихъ порядковъ. Пусть лучше на ряду съ волевой колонизаціей останется въ западно-сибирскихъ губерніяхъ и свободное общинно-оборочное крестьянское земледѣліе.

Нельзя не согласиться съ этими словами, указывающими, что народная жизнь нуждается менѣе всего въ стѣсненіяхъ и должна получить извѣстныя просторы и свободу развитія на собственныхъ началахъ.

IN HOC VINCES.

Если два величайшія изъ препятствій, какія лежатъ на дорогѣ нашего культурнаго развитія, суть обширность государства и процентъ безкультурныхъ населеній; если одно изъ нихъ крайне затрудняетъ оборотъ идей и благъ, а другое слишкомъ потребляетъ и тотъ культурный приходъ, какой имѣется, то спрашивается: есть ли у насъ какое либо средство противодѣйствія обимъ этимъ невыгодамъ? Никакое искусство политики, никакая сила власти справиться съ такими естественными препонами не въ состояніи. Никакими искусственными мѣрами помочь тутъ нельзя, если нѣтъ какихъ либо естественныхъ условій, способныхъ развить изъ себя достаточный источникъ силы противодѣйствія. Такимъ-то именно условіемъ мы и считаемъ ту прирожденную намъ систему провинціализмовъ, которая одна, повидимому, способна успешно бороться какъ съ нашими пространствами, такъ и съ нашимъ непрестаннымъ притокомъ иородческихъ населеній въ Азію. Въ самомъ дѣлѣ, эта система провинціализмовъ способна, съ одной стороны, прививать обширному государству вещь свойства небольшихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, и болѣе

живой и быстрый гражданскій оборотъ идей, съ другою тѣмъ же самымъ способна она и увеличивать тотъ культурный приходъ, который такъ крупно долженъ расходоваться на иородцевъ. Это, по нашему мнѣнію, единственное каштальное средство противъ такихъ же капитальныхъ трудностей нашего роста, единственное «симъ побѣдннхъ» ихъ. Пока есть запасъ сѣмѣа, долженствующій озарять такія территоріи и такія населенія, какъ наши, собраны въ одномъ только центральному фокусѣ страны, до тѣхъ поръ повстанъ и степенъ оцѣненія по мѣрѣ удаленія отъ этого фокуса. Но достаточно разбросать такіе же свѣтильники по всей странѣ, чтобы она освѣтилась и лучше, и равномернѣе. А такими свѣтильниками могутъ быть лишь фокусы мѣстныхъ цетры провинціализма, если имъ предоставитъ возможность и право горѣть. Спрашивается, поэтому, есть ли у насъ въ настоящую минуту хоть какіе бы то ни было задатки подобнаго сознанія и подобной политики?

Къ счастью нашему, есть, какъ кажется, и то, и другое. Даже видѣть, какъ можетъ, почва такъ не предрасположена къ этой системѣ двойной государственной жизни, какъ въ Россіи, съ ея вавилонскимъ смѣшеніемъ языковъ. Если есть естественныя структуры общественыя, предвѣщающія собою великую дальнѣйшую, искусственную, то зародышъ такой структуры мѣтнаго самоуправленія имѣется у насъ на лицо въ видѣ сельской общины, въ видѣ этого преобладающаго крестьянскаго «міра». Слабѣ, блѣднѣе, неразвѣтъ этотъ младенческій эмбрионъ, но сила его и крѣпость въ томъ, что онъ пережилъ да такіа грандіозная пенитанція, какъ тысячелѣтнюю исторію, во-первыхъ, и самое крѣпкое право, во-вторыхъ. Настоящее, петые залого самоуправленія лежатъ вѣдѣ вовсе не на вершинахъ обществъ; а напротивъ разстилается только по самой землѣ, лежатъ только въ самыхъ низменныхъ корняхъ обществъ. Невозможны палаты зрелыхъ и депутатовъ, верхнія и нижнія, составляютъ естественныя основы всякаго самоуправления, какъ горькимъ опытомъ своимъ и извѣдала это Франція; а только эти блѣдныя, непримѣтные приходы, vestries, какъ блестятельно доказали это Англія и Соединенные Штаты. Когда извѣстныя привычки вѣдрены въ самой темной массѣ населенія, тогда только можно не бояться за нихъ и въ свѣтлой: иначе онѣ одиоднѣнный цвѣтокъ. Государственное самоуправленіе безъ провинціализма, какъ, въ свою очередь, провинціализмъ безъ общиннаго есть одна политическая мечта, заманчивая, но неудовимый идеаль. Взглядъ этотъ, гораздо раньше всякаго мыслителя, выразилъ самъ народъ нашъ, окрестивши общину свою названіемъ, коимъ онъ сосредоточилъ въ ней все дальнѣйшее общество, весь дальнѣйшій міръ. Мало того, это, такъ сказать, естественно-историческое творчество народа не осталось безъ развитія и въ искусственномъ, въ политикѣ. Первымъ такимъ развитіемъ былъ одинъ изъ вѣковѣчныхъ памятниковъ царствованія, которое не только теперь, но и должно еще не въ состояніи быть оцѣненнымъ по всему своему достоинству и историческому значенію. Принципъ села, благословленный и укубленный имъ, распространяетъ въ это царствованіе на городъ, на уѣздъ и на губернію. Явились міры городскіе, уѣздные, губернскіе. Какъ бы ни тутъ былъ эти входы, но надо ихъ прибавлять, что отъ нихъ также не далеко, хотя бы то и до такихъ же тугихъ входовъ міровъ провинціальныхъ, областныхъ. Одинъ изъ такихъ зарвавшихся впередъ міровъ есть даже на лицо, въ Финляндіи, опять-таки

оставшийся от того же великого царствования. Что же кажется самым вершиям самоуправления, то онъ вовсе не составляет такую-же насущную потребность. Во-первых, онъ терять болѣе всѣхъ другихъ, во-вторыхъ, онъ создается сами собою, когда даны всѣ другія. Пусть мы будемъ строить домъ нашъ снизу вверхъ, а не наоборотъ, какъ строили французы: отъ этого никто и ничего не пропадетъ.

Къ другому, не меньшему, счастью интеллигенціи наша текущая минуты начинаетъ сознавать направление и сущность расового, этнографическаго, чисто-народнаго творчества. Ни въ чемъ партиі наши такъ не сходятся, какъ въ необходимости сѣтка для провинціи. Сама же провинція всѣми порами своими рвется и въ свѣту, къ саморазвитію, и къ обобщенію свободъ своихъ. Печать мѣстная изъ всѣхъ силъ выпирается къ возможности высказать слово свое во имя этихъ провинціи. Но самымъ, быть можетъ, полнымъ и энергичнымъ выразителемъ такихъ воздѣйствій явился въ послѣднее время годовъ изъ среды дворянства земли войска донскаго, этой классической страны мѣстной самоуправленія нашего. Чѣмъ бы ни развилась такая эпопея, какъ этаго, а онъ не можетъ быть не зарегистрированъ въ исторіи нашей провинціи. Когда общественная мысль и чувство стоятъ на такой дорогѣ, все остальное дѣлается только вопросомъ времени.

C.

ХРОНИКА.

— Съ наступленіемъ весны переселенское движеніе приняло обычный характеръ; оговору несутся извѣстія о переселенческихъ обозахъ. Недавно въ газетѣ „Земство“ (№ 21), сгруппирована цѣлая масса подобныхъ извѣстій. Въ „Томскѣ“ изъ Пелвы шинутъ: „въ продолженіи 4-хъ дней, съ 3-го по 6-е мая, черезъ Пелму проследовало съ одного моршанскаго тракта 75 повозокъ съ 300 человекъ, двигающимися въ Томскъ и Оренбургъ“.

Въ „Оренбургскомъ Лескѣ“ шинутъ: „Переселенцы изъ Россіи двигаются. На дняхъ состоялся приказъ по оренбургской желѣзной дорогѣ перевозитъ переселенцевъ однимъ или нѣсколькими вагонами въ общій поѣздъ, со скидкой 50%“, а если будущіе займутъ отдѣльные товарные поѣзды, то со скидкой 75%, т.-е. по воинскому тарифу. За три дня, 6, 7 и 8 мая переселенцевъ прибыло въ Оренбургъ взрослыхъ 425 и малолѣтнихъ 293, при нихъ лошадей 167 и повозокъ 167. Сегодня, 9 мая, ожидается цѣлый переселенчій поѣздъ изъ 28 вагоновъ“.

Изъ Самары отъ 11-го мая шинутъ въ „Русскій Курьеръ“: „Изо дня въ день, не переставая, идетъ переселеніе. Если бы была возможность знать точную цифру переселившихся, то получились бы что нибудь-ужасное. За этотъ мѣсяцъ только по желѣзной дорогѣ проѣхало не менѣе 10,000 человекъ. Такой цѣлой нечислится, между прочимъ, на основаніи вѣсточнаго вѣдомства—группы въ 300 крестьянъ, ежедневно отправляющихся. Но послѣдняя цифра весьма недостаточна въ сравненіи съ тѣмъ, сколько переселенцевъ проѣзжаетъ по желѣзной дорогѣ каждый день. Каждый день, въ 11 часовъ, уходитъ поѣздъ, весь состоящій изъ крестьянъ-переселенцевъ. Онъ всегда бываетъ очень длиненъ. Не говоря уже о пассажирскихъ вагонахъ, всѣ помѣщенія, предназначенныя для лошадей, точно также служатъ пристанищамъ въ качествѣ пассажирскихъ. Этими же демократическими элементами отличаются и товарные поѣзды. Переселенческие возки и близкии наполняютъ ихъ. Смотришь и удивляешься. Это какое-то передвиженіе народовъ“.

„Но и это, какъ продолжаетъ корреспондентъ, не даетъ надеждаго представленія о размѣрахъ движенія, такъ какъ переѣздъ по желѣзной дорогѣ, несмотря на дѣлаемую для переселенцевъ

сдѣлку, какъ о томъ сообщено въ предыдущемъ извѣстіи, для многихъ переселенцевъ дорогъ и они идутыи нѣмалою рядою въ своимъ измученными лошаденками, гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ большихъ городовъ и деревень, ночуя въ полѣ, чтобы не тратить на расходъ за сѣно и за постоялый дворъ“.

Подобныя же извѣстія сообщаются изъ Саратова, Самары и т. д. Наконецъ, вотъ какъ описывается путь переселенца по Сибирю въ „Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“.

„16 мая проследовала чрезъ нашъ городъ на пароходѣ Къ Иргатова и Игатовицы первая партиа переселенцевъ въ количествѣ 100 семействъ (всего около 800) человекъ обоего пола. Сѣдлою всѣ они въ Томскую губернію, получивъ предварительнотъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, тамъ уже водворившихся, свѣдѣніи объ изобиліи земель, пригодныхъ для переселенія. Что же гнала ихъ въ невѣдомую даль, на чужую сторону, при отсутствіи даже самыхъ необходимыхъ средствъ въ путешествіи?.. Не истинное ли благъ земныхъ на родной сторонѣ, но чувство же негріажа къ ней и близкимъ сердцу, тамъ покинутымъ? Нѣтъ, гнала ихъ нужда крайняя, бѣдность безслѣдная: родная земля, негодная уже продуктамъ нѣдръ своихъ, отказывала имъ даже въ скупомъ кулѣдъ насущнаго хлѣба. Правда, что земля наша, сторона Сибирская, велика и обильна, но... въ ожиданіи будущаго благъ въ облазахъ ея сколько горя и лишений, сколько нравственныхъ невзгодъ суждено перенести въ пути обездѣленнымъ странникамъ! Очевидно, явившіе на одномъ съ нами пароходѣ, разсказывали намъ по прибытіи въ Тобольскъ, какъ большая часть этихъ несчастныхъ, томима голодомъ и нуждою, питалась въ пути черствымъ, какъ камень, ржанымъ хлѣбомъ, размачивая его въ горячей водѣ; всѣмъ одежды горемыкъ вполне соответствовали ихъ скудному питанію. Тронутая такою печальною картиною, одна изъ пассажирокъ парохода, господа П., предложила однажды спутникамъ своимъ, пошедшимъ въ одной съ нею каютѣ I класса, составить подписку въ пользу наибѣднѣйшихъ изъ переселенцевъ. Предложеніе это было принято съ полнымъ сочувствіемъ и въ каіе-нибудь полчаса собрано доставилъ 18 руб., которые г-жею П. и были переданы старшимъ самаго большаго и самаго бѣднаго семейства, старику дѣтъ за 60. Надо было видѣть, съ какою чувствомъ бѣднякъ бросился преть нею на колѣни и, не будучи въ состояніи удержаться отъ думившихъ его слезъ, разразился, какъ малый ребенокъ. Вскоръ затѣмъ еще было собрано рублей 5, куплены на нихъ хлѣбъ и бѣлки и розданы нуждающимся, преимущественно же имѣвшимъ малолѣтнихъ или большихъ дѣтей. Общія и искреннія благословенія сопровождали благотворителей въ дальнѣйшемъ пути ихъ. Дай Богъ, чтобы этотъ добрый примѣръ нашелъ себѣ подражателей и далѣе, за предѣлами нашей губерніи“.

Испо, что бѣдствія и лишения переселенцевъ продолжаютъ тобою также, какъ эти лишения ни мало не удерживаютъ огромнаго движенія въ силу экономическихъ стимуловъ и безвыходнаго положенія.

Чѣмъ же разрѣшился столь долго привлекавшій вниманіе русскаго общества и бывшій недавно молнией „переселенческой вопрсѣ“. Неужли ничего не выработано, кромѣ „переселенческаго свѣдѣтельства“, къ числу массы обязательныхъ приговоровъ, принятыхъ, увольнительныхъ и великихъ другихъ документовъ. Въ чемъ же заключалась „проекти“ свѣдущихъ людей, гдѣ люди ихъ работъ и каіе результаты они дали? Что касается практическихъ мѣръ, то мы знаемъ, что въ Вяткарскъ учреждена контора съ особымъ чиновникомъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, снабжающаго переселенцевъ свѣтами и указаніями, но, мы сомнѣваемся, что ли этотъ чиновникъ разрѣшитъ всецѣло колониальный вопросъ 90,000,000-ой Имперіи и искорнитъ семью хлѣбамъ тысячу вѣщъ примывъ, тянувшихся на Востокъ.

По словамъ самарскаго корреспондента, движется на 10,000 въ мѣсяцъ вѣсточнаго, въ 4 мѣсяца пройдетъ 40,000 и это только въ одномъ направленіи. Невольно задумаешься, что тутъ сдѣлаетъ одна переселенческая контора. Наконецъ, участь переселенцевъ въ Сибири остается попрежнему необезпеченной и нужда ихъ вопіетъ къ общественной помощи. Намъ кажется, что предписаній, распоряженій и другихъ административныхъ указаній, при такомъ разорванъ явленіи будетъ несомнѣнно недостаточно. Примѣры, какъ въ прошломъ году, такъ и нынѣ, на томскомъ пароходѣ, доказыва-

вать, что общественная благотворительность и помощь сама напрашивается и пролагает себе дорогу. Конечно, кроме г-жи П. и пассажиров тюменского парохода, нашлись бы люди, готовые организовать помощь переселенцам. При разработке переселенческого вопроса, в литературе проецировалась идея организации этого дела и создание общественного и земского кредита. Итти сомненья, что Сибирь могла бы участвовать также в этом деле. До сих пор тяжести по прокормлению переселенцев несет одно сибирское крестьянство. Точно также предлагалось, чрез заодно-сибирский отдѣлъ географическаго общества, организовать собрание съѣздной въ Сибирь о бытѣ и положеніи переселенцев. Какъ видно, потребность изученія переселенческихъ нуждъ, вмѣстѣ съ существенной помощью устройству быта переселенцев, не перестаетъ быть очередною задачею. Переселенческий вопросъ въ Сибирь преобразуется въ колонизаціонный вопросъ, обладающій своимъ важное значение для края.

Что касается переселеній изъ Европейской Россіи, то, какъ видно изъ различныхъ соображеній и мнѣній, высказанныхъ администраціей и земствами, вопросъ этотъ, со времени вступленія на общее обсужденіе, встрѣчаетъ противорѣчія. Недавно воронежская администрація издала циркуляръ, рекомендующій гдѣдить за людьми, вызывающими переселенцевъ въ Тюменскую губернію, а также за подпорочниками въ переселеніе. Между тѣмъ, въ той же Воронежской губерніи, раздавался въ земствѣ голосъ г. Шотникова за переселенія. Изъ преній въ засѣданіи иркутскихъ сельскихъ хозяевъ 16-го марта, нѣтъ впечатлѣніемъ и доставляемъ въ редакцію любезностию г. Ролева, видно, какія разнообразныя сужденія вызвало переселеніе, а также, какъ рѣзко относится къ нему мѣстности, яшавшіяся русъ. Все это можно было предвидѣть тѣмъ, кто знакомъ съ литературою по колонизаціонному вопросу въ Европѣ. Мы рекомендуемъ сибирякамъ въ этомъ случаѣ прочесть книгу Леруа Боле, переведенную на русской языкъ *). Изъ всего этого ясно, что вопросъ переселенческой не только не разрѣшенъ у насъ, но онъ только что поднимается и долженъ будетъ пройти не мало фазисовъ прежде, чѣмъ будетъ усвоена здравая колонизаціонная политика и существующія предубѣжденія разсыются.

Вдобавокъ къ свѣдѣніямъ объ учащихся сибирякахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, намъ сообщены слѣдующія статистическія данныя распреденія ихъ по мѣстностямъ:

Учащихся изъ	Тобольской губерніи	21 м. п.	4 ж. п.
»	Томской	12	16
»	Енисейской	18	8
»	Иркутской	16	10
»	Забайкальской Обл.	3	—
»	Икутской	7	—
»	Семипалатинск.	1	—
»	Акмолинской	1	1

Изъ этихъ цифръ оказывается, что Томская губернія даетъ наибольшее учащихся въ высшія учебныя заведенія, что оправдывается нѣмалымъ значеніемъ этого города для будущаго просвѣщенія. Наименѣе прочихъ стремленіе къ высшему образованію развито въ Семипалатинской и Акмолинской областяхъ. Стремленіе со стороны жителей къ высшему образованію болѣе всего выразилось въ Томскѣ. Число жителей превосходитъ поступившихъ изъ той же губерніи мужчинъ. Конечно, эти цифры только намекаютъ на потребность просвѣщенія. Трудно также напередъ сказать, сколько изъ этихъ лицъ возвратятся на родину. Взгляды насчетъ этого молодыхъ людей весьма различны, хотя нельзя не замѣтить, что среди нѣкоторыхъ пробуждается сознаніе долга принести пользу народу на своей родинѣ.

Восточно-сибирское горное вѣдомство имѣетъ въ военной медико-хирургической академіи своего стипендіата. Такихъ стипендіатовъ состоитъ уроченіе Сибирь г. К., получивъ стипендію глумнаго 6-го класса. До окончанія курса въ гимназіи, К. получалъ эту стипендію въ размѣрѣ 180 р. въ годъ. По окончаніи же курса, на время пребыванія К. въ высшемъ учебномъ заведеніи,

стипендія была назначена въ размѣрѣ 300 р. въ годъ. Изъ этихъ же 300 руб. стипендіатъ обязанъ платитъ за право слушанія лекцій 50 р. въ годъ, тогда какъ всѣ другія вѣдомства и даже частныя лица платятъ за слушаніе лекцій своихъ стипендіатовъ. По этому недостаточна. Стипендія въ горномъ вѣдомствѣ выдается не какъ всѣ другія, т.-е. по 25 р. въ мѣсяцъ, а вотъ какимъ поистинѣ оригинальнымъ способомъ. Въ продолженіе академическаго года стипендіату выдается (помѣсячно) всего только 200 руб., когда же въ концѣ года онъ представитъ свидѣтельство отъ академическаго начальства, что онъ не рѣшилъ на слѣдующій курсъ, ему выдается оставшіеся 100 р. Очевидно, горное вѣдомство смотритъ на эти 100 р., какъ на награду за переходъ на слѣдующій курсъ? Но при этихъ условіяхъ должно предполагать безпрестанные переходы и экзамены. Нѣтъ экзамены не кончены и г. К. въ концѣ этого учебнаго года не можетъ получить этихъ злонучивыхъ 100 р., въ виду того, что онъ еще не перешелъ на слѣдующій курсъ, хотя онъ и не могъ перейти, такъ какъ, къ несчастью, въ академіи не существуетъ 6-го курса. Дѣло въ томъ, что К. нѣтъ кончаетъ курсъ, а выпускные экзамены въ академіи распределены такъ, что часть ихъ сдается весной, а другая часть осенью. Стипендіатъ не представляетъ свидѣтельства о переходѣ—и эти рублей ему не выдаютъ; говорятъ—правила не дозволяютъ. На основаніи тѣхъ же правилъ, г. Соколовскій отказалъ стипендіату К. на просьбу, поданную г. К. о выдачѣ ему 250 р., которая онъ уплатилъ за себя въ теченіи 5-ти лѣтъ за право слушанія лекцій! Такимъ образомъ, горное вѣдомство заставило своего стипендіата жить 5 лѣтъ, расходуя 150 р. въ теченіи академическаго года и оставило молодого человѣка въ бедственномъ положеніи, голодающаго въ то время, когда отъ него требуютъ усиленныхъ занятій. Я въ просьбамъ его онъ остается глухо. И это вѣдомство, которое расхищало миллионы казенныхъ денегъ, члены котораго утопали въ роскоши и посылали бѣды стирать въ Парижъ. Желательно чтобы Главное Начальство Кабинета вошло въ разсмотрѣніе столь скромной просьбы нуждъ своего стипендіата и къ чести своей сдѣлало надлежащее удовлетвореніе по имъ справедливости и человеколюбью.

— Похожденія иркутской и томской цезуры, переданныя недавно въ корреспондентамъ, вызвали нѣмалое слѣдующее посвященіе со стороны хроникера „Недѣля“:

Страшенъ язва сибирской лихой, истребительной,

Сокрытый страшный ядъ,

По страшнѣе цезуры сибирской губительной

Подозрительный взглядъ,

Оставляетъ немного хогъ язва скотинушки,

Жеребятъ и телятъ,—

А удары сибирской цезуры дубинушки

Ничего не щадятъ...

— Предсѣдатель комитета по возведенію зданій сибирскаго университета, начавшаго свое объясненіе въ № 19 „Томскихъ губернскихъ вѣдомостей“, проситъ насъ, кромѣ того, письменно, переписать его замѣчаніе и поправки въ „Восточномъ Обозрѣніи“. Удовлетворяемъ просьбѣ г. предсѣдателя и сообщаемъ эти возраженія:

„Въ № 1-мъ „Восточнаго Обозрѣнія“ напечатано извѣщеніе слѣдующаго содержанія:

„Въ строительной комисіи (слѣдовало сказать: „строительномъ комитетѣ“) происходитъ серьезная препирательства и разногласія. Говорятъ о безпрестанныхъ столкновѣніяхъ предсѣдателя комисіи съ горскимъ головою и другими членами“.

Извѣщеніе это неправильно: „Постоянный“ столкновѣній и разногласій не было и нѣтъ. Въ минувшемъ 1881 году строительный комитетъ по возведенію зданій сибирскаго университета имѣлъ 56 засѣданій, въ коихъ разсмотрѣно 341 разныхъ предметовъ, а въ настоящеемъ (до 1-го мая) 19 засѣданій, въ коихъ разсмотрѣно 92 предмета, итого 433 предмета. Изъ нихъ 420 рѣшены единогласно, а по тринадцати послѣдовали о с о б и д и м ѣ н и я м о н и ч л о в о в ѣ комитета. Независимо отъ этого, удостовѣряю, что дѣло постройки университетскихъ зданій ведется вполне успешно“.

Охотно довѣряя г. предсѣдателью строительнаго комитета, мы,

*) „Колонизація повнншихъ народовъ“, С.-Петербургъ, изд. 1877 г.

однако, не совсем понимаем, что именно желательно от нас по сему предмету. Вся разница оказывается в томъ, что наш корреспондент упоминает о разрозненных и прерывательных, а г. предводитель называет это „особыми мифами“.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Из Ферганы (корресп. «Восточ. Обозр.»). Тануются безотрадные дни въ далекой Ферганской долине. Потребность деятельности на пользу далекой окраины, или лучше сказать, желание создать лучшую жизнь въ краѣ, подчас кажется иллюзией. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сдѣлать пока ничтожная колонія русскихъ людей, закинутая въ Среднюю Азію, не будучи сама достаточно подготовлена, не обладая сама достаточными запасами умственныхъ и научныхъ средствъ. Правда, мы утвердился здѣсь, мы вѣрны въ свою силу и не отступимъ отъ искорененныхъ. Фитил курятъ у нашихъ орудіи, но нѣволью является вопросъ: Что же дальше?

Русскіе встрѣили природную среду, живую доселѣ своею замкнутою, мусульманскою жизнью, это былъ все-таки свой міръ, цѣлое міросозерцаніе, удовлетворявшее туземцевъ цѣлымъ въѣдомъ. Чтобы взмѣнить это міросозерцаніе, нужно, чтобы люди пережили новую стадию жизни, необходимо поднять умственную жизнь, открыть новые горизонты. Но легко ли это?.. Кружатъ неприятная картина мрака и невѣжества, дающихъ полную возможность мусульманскому духовенству, желающему отградить умъ туземца отъ мысленія, эксплуатировать массу. Да и какъ не бояться ему, этой односторонней мудрости корана, развитія туземца, разъ повисаетъ анализъ явленій. Тамъ, гдѣ сильна традиція, прогрессъ невозможенъ, а ими живетъ Востокъ, оберегаемый своими муллами и казіями (судьями). Школа, гдѣ учатся дѣти туземцевъ, также въ рукахъ этихъ фанатиковъ, заставляющихъ дѣтей зубрить непонятные для нихъ арабскіе стихи корана. Чтобы не показало мѣстнымъ сартофиламъ, провинциальнымъ status quo, ложнымъ мое положеніе о состояніи школы, позволю себѣ поставить вопросъ о томъ, въ какомъ положеніи, вообще, находится теперь наука правобѣрныхъ? Мы находимъ сдѣлающую давняя объ этой наукѣ: «ученые и поэты времени упали исламической культуры избѣгли доступнаго масѣ языка и находятъ доселѣ свою рѣчь изящною только тогда, если читатель «глубоко погруженъ въ ничую словъ, блуждаетъ между рифмами и метрами сравненій, пока, съ невыразимымъ трудомъ, не вынесетъ со дна жемчужину смысла». Писать, по ихъ мнѣнію, более-понятнымъ языкомъ, то же, что разсыпать драгоценности по дорожкамъ, которыя, въслѣдствіе этого, повая въѣвъ въ руки, терять цѣну. Уже болѣе пяти вѣковъ, какъ исламическая цивилизация спитъ мертвыми ономъ, не обозначаясь и не тревожась шумомъ войны, которая нависаетъ на ея границы энергичной и подвижной Западъ. Сприспособившись разъ съ этимъ міромъ мы, какъ представители другой цивилизации, естественно задаемъ вопросомъ что намъ дѣлать? Конечно, научить сначала мѣстную среду, ея нравы, обычаи, а потомъ начать просвѣщеніе. Я думаю, что вопросъ о распространеніи знаний на Востокъ независимымъ путемъ болѣе чѣмъ своевременно, если мы вспомнимъ, что мы владѣемъ Ферганскою областью (Кокандское ханство) 7-й годъ.

Сарты, живущіе между русскими, плывть прекрасно воду, а другіе отличаются ливо отъ портера. Но кромѣ этого мы ничего пока не привили, ни своего искусства, ни ремесла, ни европейскаго знанія, и если знаніе сила, то дайте его Востоку, поднимите социальный уровень народа и вы увидите, какое могущество, какое

экономическое благосостояніе явится тамъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о развитіи русскихъ школъ между туземцами, испусти другого источника, могущаго дать толчокъ къ проведенію культурныхъ инициативъ въ странѣ, которыя могутъ коснуться взросло населенія. Но, прежде чѣмъ говорить о формѣ, способахъ частной общественной деятельности по распространенію знаний между туземцами, поставлю вопросъ о томъ, можетъ ли обобщать успѣхъ эта работа?

Наблюденія надъ туземцами приводятъ каждаго къ заключенію, что они способны народъ къ воспріятію идей, которыя, конечно, должны имъ быть передаваемы поузладно, въ простой формѣ. Любознательность туземца также не подлежитъ сомнѣнію. Стоить только побывать на базарѣ и мы увидимъ, съ какою увлеченіемъ эти дѣти природы слушаютъ своихъ разсказчиковъ, вслушиваясь имъ всеней взоромъ. Но туземцы слушаютъ ихъ, нѣтъ, переключить изъ этихъ бредней что нибудь новое, неизвѣстное. Перехода къ вопросу о распространеніи знаний, мы полагаемъ, что на нашей обязанности лежитъ основаніе союза или общества въ просвѣщенныхъ людей, являющихся на окраину съ цѣлью проповѣданія просвѣщенія и сближенія съ народами. Средствами распространения знаній должны служить книги, картины съ иллюстраціями въ понятной формѣ, на туземномъ языкѣ; общество должно имѣть въ уездныхъ городахъ члена распространителя знаній, который раздаетъ туземцамъ книги, устраиваетъ съ разрѣшенія администраціи, чтенія на туземномъ языкѣ, на которыя входъ долженъ быть бесплатный. При незнаніи членомъ туземнаго языка чтеніе можетъ быть проведено переводчикомъ по изданію общества и подъ наблюденіемъ члена. Вотъ тѣ немногія пожеланія, которыя мы рѣшились предложить на главное собраніе. Мы убеждены, что русское мыслящее общество не пройдетъ молчаніемъ нашу замѣтку, а вложитъ въ святое дѣло распространения знаній между туземцами свои силы и знанія, укажетъ путь какъ лучше и что надо сдѣлать. Реализація подобной мысли освѣтитъ тѣхъ русскихъ людей, которые заброшены судьбою въ непроходимыя дебри окраины, гдѣ карты и вино приобрѣли исключительное право гражданства. Русскій человѣкъ бѣдетъ опредѣленнаго дѣла возвышенію духовной деятельности самъ гибнетъ и погружается въ развратъ, губя и другихъ.

Барнаульск. (корресп. «Вост. Обозр.»). Какъ мы извѣдали, началось алеевое пожары. Вотъ уже около недѣли горитъ боровскій боръ. Для тушенія стойнется народъ съ полемъ въ самое горячее время поѣва хлѣба. Известно, что земли въ Алтай неразмѣжаны, и это причиняетъ многи затрудненія. Межевики при разборѣ земельныхъ споровъ обираютъ ту и другую сторону; ходитъ за то, что крестьяне суются въ воловскихъ судахъ, выскочка другъ съ друга за курицы, поросенятъ, яйца, масло и другіе продукты, въ громадномъ количествѣ потребленныя межевицами во время межевыхъ работъ, на это есть уже документальныя доказательства. Горные дѣтены возмущаются тѣмъ, что крестьяне въ обратныхъ въ хлѣбопашеству, что экономическое благосостояніе ихъ повидному ухудшается, почему они не идутъ въ заводскія работы и перевозки, а сдѣлательно и заводское дѣло падаетъ. Прошлый годъ жаловались, что для торгова правленія крестьяне отказались доставлять дрова по 90 к. за сажень, доставка сдѣлалась дальнею по причинѣ истребленія ближайшихъ лѣсовъ пожарами и хищническимъ хозяйствомъ; но съ этимъ бы крестьяне миривались, только не хотѣли они мириться съ тѣмъ, что ихъ обмывиваютъ, обчитываютъ и задерживаютъ по нѣсколькой дней за расчетомъ. Нынѣ, можете себѣ представить, прибавилъ цѣнахъ

5 коп. на пудъ за провозку руды, и тутъ не хотѣть подражаться—это ли не благодарность!

Питейный вопросъ и винокуренье въ Алтайскомъ округѣ тоже существуютъ на основахъ основаннѣхъ. Доселѣ не позволено на огромнѣйшій районъ трехъ округовъ имѣть винокуренныхъ заводовъ, кромѣ одного. Разрешеніе открывать питейная заведенія находится въ горномъ правленіи въ рукахъ совѣтника Б—а. Это питейное отдѣленіе не уступаетъ старымъ питейнымъ отдѣленіямъ губернскихъ учрежденій. За открытіе кабаковъ дѣлаются прикѣпки, собирается доходъ алтайскимъ ревизоромъ; не мѣшаетъ обратить особое вниманіе на это отдѣленіе, гдѣ ютится стародавнее зло. Перейдемъ къ городскимъ дѣламъ.

Въ городскомъ управленіи прежніе дѣтели К. и Х., члены управы, ушли въ отставку, поссорившись съ головой, а мѣсто ихъ заняли судебскіе чиновники, которые и въ судѣ-то держались только потому, что никто на службу въ окружныя суды нейдетъ. Во главѣ общества чумазый Деруновъ, члены управы такой же Болдунаевъ и двѣ судебскія малорамотныхъ личности. Между тѣмъ мѣстная горная интеллигенція въ думѣ уже давно не пользуется никакимъ вниманіемъ, даже несмотря на безкорыстную службу бывшаго головы Давидовича. Каждое лѣто городу угрожаютъ пожары, но нѣтъ у города мѣста, куда бы можно выгнать городской табуны скота, у города дохотѣвъ нѣтъ, мало ихъ изыскать, но зато послѣдняго больше всего и боится чумазые гласные, чтобы не приплатили, а относительно пожаровъ—они безпашны, огорожены каменными отрами. Городское дѣло поэтому въ Барнаулѣ въ самомъ плачевномъ положеніи. Были покушенія ввести болѣе добросовѣстные элементы въ городское управленіе, находились и люди, но противъ этого выставленъ былъ комплотъ и честные люди удалялись изъ думы. Теперь не на что и заглядѣться!

Кузнецк (Томск. губ.) (корресп. «Восточн. Обзоръ»). И въ нашъ отдаленный край газеты принесли вѣсти о преобразованнѣхъ частію совершившихся, а частію готовящихся для Сибири, а именно: уничтоженіе генералъ-губернаторства Западной Сибири, переходъ трехъ сибирскихъ губерній на общее положеніе, но главное желаніе и ожиданіе сибиряковъ, чтобы были введены гласный судъ и земство, которые бы пролили свѣтъ на нашу жизнь и внесли бы правду и законъ въ нашу безправную окрину. Теперь же все дѣлается полиціей, черезъ полицію и для полиціи, а вѣдѣтію, что при той громадѣ обязанностей, какія лежатъ на полиціи, ей всего нельзя сдѣлать, а остается только исполнять то, на что особенно налагаетъ начальство и исполнять только для виду, чтобы сошло съ рукъ. Возьмемъ хотя нѣтъ Кузнецкій округъ, Томской губерніи, въ которомъ земскому засѣданію приходится завѣдывать участкомъ въ три волости, заключающимъ въ себѣ до двухсотъ деревень въ каждомъ; притомъ есть участки, какъ 2-й, который по одной трактовой дорогѣ тянется до двухсотъ верстъ. Какая же можетъ быть польза, по всемъ со стороны полиціи при отсутствіи телеграфовъ и почты! Одинъ судебственный дѣла, которыхъ поступаетъ къ засѣданію отъ двадцати до тридцати въ мѣсяцъ, сколько отнимутъ времени! Все это и нишу не для защиты полиціи или засѣдателей, но чтобы выслѣпить положеніе дѣлъ и показать настоятельную необходимость въ преобразованіи. Особенно бы нужно было обратить вниманіе на преобразование управленія инородцами, которые теперь находятся въ прямой зависимости отъ полиціи и не только ихъ экономическое положеніе не изучено, но вообще весь ихъ бытъ намъ мало извѣ-

стенъ, путешественники касались его поверхностно и то только профаномъ. Въ прежнее время, хотя и могли бы изучать бытъ инородцевъ, да и не только бытъ инородцевъ, но и другія стороны зѣвннато края господа горные инженеры, какъ люди образованные и со средствами, притомъ же стоящіе близко къ народу и зѣвннато прирѣтъ, но они кромѣ разоренія края ничего намъ въ насѣдство не оставили, а поселятъ изучать бытъ инородцевъ послѣднейшихъ чиновниковъ болѣе чѣмъ странно, особенно нашихъ сибирскихъ, уровень образованія которыхъ въ большинствѣ не идетъ далѣе уѣзднаго училища или домашняго. Не изучивши же быта инородцевъ, намъ кажется, нельзя приступать къ преобразованію ихъ управленія, въ противномъ случаѣ могутъ быть взяты такіе законоположенія, которыя пойдутъ прямо въ разрѣзъ ихъ жизни, нравамъ и обычаямъ, и вмѣсто блага могутъ принести существенный вредъ. Грустно приходится читать то, что иностранцы, профаномъ бывшіе у насъ, указываютъ намъ же на наши богатства, и что мы ими не пользуемся. Но что же виноваты, когда на многое у насъ лежитъ запретъ, а многое, что разрѣшено, попадаетъ въ руки избраннымъ счастливцевъ-монополистамъ. Нашъ округъ, какъ и весь Алтай, оказывается давно доступна частной промышленности.

Исправленіе нашихъ дорогъ нынѣ началось съ 10 мая, такъ что многіе изъ крестьянъ не успѣли отплатить и должны были брести пашню, чтобы вѣтъ поправлялъ дороги; цѣны на хлѣбъ стоятъ по зѣвннато мѣстности, сравнительно съ предшествующими годами, высокія—мука пшеничная пудъ 70 к., ржаная 40 к., овесъ 30 к., возмнннато цѣны на хлѣбъ многіе приписываютъ тому обстоятельству, что былъ недостатокъ воды на мельницахъ, что конечно имѣетъ свою долю правды, а многіе болѣе закупаютъ на приски Маріинскія и Кузнецкія округовъ.

Томскъ, 28-го мая (корресп. «Восточн. Обзоръ»). Вчера съ 4 час. пополудни начался пожаръ за Истокомъ подъ горою, въ такъ называемой татарской слободкѣ; начался пожаръ изъ торговой бани и охватилъ скоро огромное пространство. Сгорѣло до 300 домовъ, почти вся слобода. Населеніе перебралось на одну изъ площадей города, около 1,500 людей остался безъ крова, въ бѣдственномъ состояніи. При пожарѣ выдвинулась энергія населенія, притѣмъ работала взрослая молодежь изъ гимназическаго, мѣщане и другія лица, пожарная же команда по обыкновенію оказалась несостоятельною. Часть города находится на берегу Томи, а за водой ѣздили на крутой взвозъ, на Юртоную гору, къ озеру около собора. Заменятая пожарная паровая машина, стоимая городу 10,000 рублей, по обыкновенію не дѣйствовала. Она служила только для поливки улицъ и сага городского головы.

Въ Томскѣ, привыкшемъ къ пожарамъ, частная инициатива всегда выдвигается болѣе, множество бойкихъ мѣщанъ и купцовъ совершаютъ чудеса храбрости и самоотверженія, гимназисты любятъ работать на пожарахъ; нечего говорить какой это составляетъ контрастъ съ негодными и вялыми пожарными. Удивительно, что при такомъ отвѣдномъ и энергичномъ населеніи и при готовомъ контингентѣ любителей, доселѣ въ Сибири не воспользовались учрежденіемъ «вольной пожарной команды». Ужъ если бы гдѣ она появилась, то именно здѣсь. Но у насъ обычай тушить и давать только частную инициативу и покровительствовать никому негодной въ пожарахъ, но весьма годной по другимъ частямъ удобности, напр. подсѣжанія въ экипажѣ, научившійся и т. п., полиціи. А между тѣмъ сколько злоупотребленій въ послѣдніе годы творилось въ этой самой томской полиціи!

Архангельск (корресп. «Вост. Обозр.»). *) Сообщаю вам новости, которые могут быть небезынтересны и для читателей «Вост. Обозр.». Управляющий архангельским отдѣл. государ. банка, бывший до недавняго времени здѣсь вице-губернаторомъ, г. А. И. Подвысоцкій, составилъ и представить въ Императорскую академію наускъ капитальный трудъ, «Словарь архангельскаго нарчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи». Здѣсь получено на дняхъ извѣстіе, что академія, по представленію академика Я. К. Грота, увѣщала этотъ трудъ Ломоносовскою преміей. Кроме массы провинціализма, въ словарь собраны драгоценныя бытовые подробности изъ жизни поморовъ, подробности, впервые лежащіяся въ печати. Г. Подвысоцкій неоднократно предпринималъ путешествія по губерніи, съ дѣлью собранія матеріала для своего словаря. Согласитесь, что среди провинціального чиновничества, особенно захолустныхъ областей, рѣдко можно встрѣить людей, которые всецѣло отдавались бы научнымъ трудамъ, конечно, въ «свободное отъ служебныхъ занятій время». Слѣдуетъ еще сказать, что г. Подвысоцкій болѣе десяти лѣтъ работалъ надъ своимъ словаремъ.

Въ послѣдніе пять—шесть дней архангельскимъ губернаторомъ получено предписаніе изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, освободить до 30 чѣловѣкъ уголовныхъ, сырьныхъ, водворенныхъ на жительства въ разныхъ мѣстахъ губерніи. Здѣсь полагаютъ, что распоряженіе это явилось результатомъ энергическихъ представлений генерала Баранова о крайне вредномъ вліяніи сырьныхъ этой категоріи на мѣстное населеніе. Въ этомъ отношеніи архангельская губернія поставлена въ одинаковыя условія съ Сибирью: она должна воспринимать потоки русскаго общества, давать имъ права гражданства (ихъ приписываютъ къ дѣшнымъ обществамъ) и терпѣть положительную аскію муки отъ этихъ, въ большинствѣ случаевъ крайне развращенныхъ субъектовъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я дозволю себѣ повторить объ этомъ подробности; можетъ быть составитель новаго Улож. о наказаніяхъ не откажется принять къ свѣдѣнію вопли архангельскихъ обывателей.

Въ мѣстной уголовной палатѣ разбирается теперь дѣлая серія дѣлъ о безобразіяхъ гг. урядниковъ. Благодаря энергичности нашей теперешней губернской администраціи и ярому преслѣдованію всякихъ злоупотребленій со стороны полицейскихъ чиновъ всѣхъ ранговъ, каждый дѣло приходится видѣть на скамьѣ подсудимыхъ то того, то другою сатрапша.

Какъ вамъ вѣроятно ужъ известно, предпріятіе съ новой газетой («Сверь») рухнуло. Издатели добились права на безценное изданіе своей газеты и... конечно, изъ этого ничего не вышло.

СВЕРНОАЗІАТСКАЯ ЛЕГЕНДА О СЫНѢ НЕБА.

Давая мѣсто статьямъ по мнѣологіи и легендарнымъ сказаніямъ сибирскихъ инородцевъ, редакція не руководствовалась однимъ отвлеченно научнымъ интересомъ. Она имѣетъ въ виду познакомить съ міросозерцаніемъ сибирскихъ инородцевъ, безъ чего немислимо, по нашему, овладѣть ихъ духовной жизнью и содѣйствовать ихъ просвѣщенію. Къ сказанію, мы пренебрегаемъ доселѣ изученіемъ ду-

ховной стороны инородца, оттого увидѣть христіанской пронадаѣ такъ слабы. Особенно страдаетъ такими недостатками наша миссіонерская дѣятельность въ Сибири, ведущая борьбу съ язычествомъ, по незнакомому своему противнику. Языческая религія есть также форма извѣстнаго духовнаго міросозерцанія, своя философія и космогонія; въ ней есть высіяя сущность, есть герои и мученики, отождествляющіе борьбу челоѣческаго духа. Чтобы перевести этотъ міросозерцаніе, надо знать духъ народа, но мы не умовны даже лямка, хотя беремъ переводить на него христіанскія выны. Этотъ языкъ изучается въ легендахъ и мифахъ. Но у нашихъ пропагандистовъ существуетъ къ нимъ суевѣрная ненависть.

Инородческіи мѣлъ и легенды, полны своей первобытною красотою и поэзіи, часто являются первообразомъ многихъ послѣдующихъ стадій развитія челоѣческаго духа и нѣтъ такого младенческаго міросозерцанія, которое не связывалось бы въ психическомъ процессѣ со всей послѣдующей исторіей челоѣчества. Здѣсь мы открываемъ то родство народовъ, которое воспитаетъ въ насъ уваженіе къ челоѣку, къ какому бы онъ племени и расѣ ни принадлежалъ, возвышая самихъ насъ до идеала общечелоѣческой любви братства.

Изученіе повѣрій, обрядовъ и сказаній сибирскихъ инородцевъ пріобрѣтаетъ болыюи интересъ въ виду возрастающихъ усвѣховъ науки о первобытномъ челоѣчествѣ. Немало загадочныхъ фактовъ, обнаруживающихся при раскопкѣ древнихъ могилъ въ Европейской Россіи, объясняются по всей вѣроятности повѣрными и обрядами, которые еще теперь можно наблюдать и описывать въ Сибири. Къ сожалѣнію, по этой части весьма мало собрано, да если что и собрано, то обнаружено почти исключительно на ялменскомъ языкѣ. Едва ли не самый интересный отдѣлъ въ наукѣ о первобытномъ челоѣкѣ, это исторія возникновенія и развитія религіозныхъ вѣрованій у него. Сибирь въ этомъ отношеніи представляетъ интересное поле. Здѣсь мы встрѣчаемъ племена, мало или почти совсѣмъ нетронутыя вліяніемъ культурныхъ расъ и жившія весьма долго въ дали отъ междувѣрныхъ сношеній; поэтому можно рассчитывать найти у нихъ такіе памятники древности, о какихъ въ другомъ мѣстѣ и думать нельзя.

Одно изъ любопытныхъ повѣрій Сѣверной Азіи представляетъ повѣрье о сынѣ неба. Мы намерены познакомить съ нимъ читателей «Восточнаго Обозрѣнія», во прежде должны сказать нѣсколько словъ о роли, которую играютъ медвѣдь въ образованіи мифовъ Сѣверной Азіи.

Не одна сила выдвигала этого звѣря на первое мѣсто въ глазахъ дикаря Сѣверной Азіи. Наблюдая его жизнь и придумывая средства для борьбы съ нимъ, дикарь находилъ въ немъ много другихъ поражающихъ его особенностей. Способность становиться на заднія лапы и лазить на деревья, растительная пища, ограниченная тѣми продуктами, которые потребляетъ и челоѣкъ, т.-е. плодами, ягодами, орѣхами, корнями и луковицами, устраиваемые берлоги или постояннаго жилища, уходъ медвѣдичи за дѣтими и игра съ ними, всѣ эти черты дѣлали звѣря похожимъ на челоѣбка; тѣмъ первобытнѣе былъ послѣдній, тѣмъ образъ его жизни былъ ближе къ медвѣжьей жизни. Впрочемъ, когда челоѣкъ еще не изобрѣлъ орудій пораженія звѣря издали, онъ охотился, подобно медвѣдью, только за мелкими звѣрями и за дѣтскими крупными.

Повѣрье о томъ, что медвѣдь—челоѣкъ, распространено не только у сибирскихъ инородцевъ, но и въ простомъ народѣ у цивилизованныхъ націй. Сибирскіи инородцы думаютъ, что медвѣдь челоѣкъ, только одѣтый звѣриной шкурою. Но это не простой челоѣкъ, а вышней природы. Онъ одаренъ необыкновенной, богатой силой; это любящее боговъ среди людей, обреченный скитаться въ лѣсахъ. Или, могъ думать дикарь—это широта безродный, въ дѣтствѣ еще потерявшій своихъ сановитыхъ родителей, избитыхъ врагомъ, и выросшій безъ челоѣческаго общества, или это богатырь, который изгнанъ въ лѣсъ изъ челоѣческой среды въ дѣтствѣ

*) Не предполагая заниматься северомъ, поимѣемъ эту корреспонденцію, какъ указывающую на аналогичныя явленія съ Сибирью. Жители Сибири переселялись преимущественно съ сѣвера въ Арханг. губ., говоръ сибирскій—архангельскій, поэтому даже изданіе Архангельскаго Словаря имѣетъ особый интересъ для сибиряковъ.

того, что пребывая в ней такого члена обыкновенным людям оказалось неудобным; шутки подростка-сысача были убогины; дернуть за руку, рука прочь, дернуть за голову, голова долой. В русских, казакских и татарских сказках о богатырях, родившемся от союза женщины съ медвѣдемъ, постоянно повѣствуется объ изгнании или добровольномъ удалении необокованного мальчика изъ человѣческой среды. Сюжеты о сиротѣ, обделенномъ братьями и изгнанномъ въ лѣсъ послѣ смерти отца, или о царскомъ сынѣ, изгнаннымъ изъ города по вавуту мачихи, принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ въ народныхъ сказкахъ. Что-то царское видятъ въ медвѣдѣ и сибирские инородцы: бурить, подойти съ острой или ружьемъ къ берлогу, сначала деркнуть рѣчь къ обитателю ея, величать его ханъ-хунемъ, «царемъ-человѣкомъ». Въ народныхъ повѣрьяхъ медвѣдь является учителемъ человѣка; послѣдній, подсматривая за дѣйствиями звѣря, узнаетъ свойства и полезность нѣкоторыхъ травъ и пр. Первобытныи медвѣдь, конечно, былъ одаренъ полезными инстинктами въ большой мѣрѣ, чѣмъ лѣсной звѣрь, но тѣмъ не менѣе онъ могъ нѣкоторыя знания позаимствовать отъ него; въ ряду животныхъ медвѣдь отличался вѣроятно большою подражательностью и, недовольствуясь врожденными инстинктами, обогащая свой умъ наблюденіями надъ поведеніемъ другихъ звѣрей, особенно надъ поведеніемъ такого умнаго звѣря, какъ медвѣдь. Но не одинъ силу и умъ видѣтъ первобытныи медвѣдь; повѣры сибирскихъ инородцевъ и русскихъ крестьянъ въ Сибирѣ приписываютъ ему высокое нравственное качество, любовь къ справедливости. Инородцы даже говорятъ, что онъ сынъ неба, сошедшій на землю, чтобы поддерживать идеи справедливости въ человѣческой средѣ. У нѣкихъ инородцевъ онъ считается хранителемъ клятвы и карателемъ клятвонарушеній.

Послѣ такихъ представлений о жителѣ лѣсовъ можно было бы предугадать, какое направление должно принять человѣческое творчество, когда медвѣдью пришлось омыслить наблюденія надъ мертвой природой и одухотворить ее. Если духовныя потребности и низкій уровень его критическаго вѣка его тому, чтобы силы природы одѣть плотью, онъ долженъ былъ для этого взять плоть лучшаго человѣка, т.-е. медвѣди. Это дѣлаетъ совершенно понятнымъ, почему стадія антропоморфизма въ исторіи развитія религиозныхъ вѣрованій предшествовала стадія броморфизма, какъ называетъ ее Маггардтъ *), стадія оживотображенія природы. Къ сближенію міровой жизни съ жизнью медвѣди подавали поподъ еще и другія биологическія наблюденія; медвѣдь замѣтлѣвъ параллель въ смѣнѣ дѣятельности и покоя у медвѣди и у міровой жизни. Вместе съ замѣраемъ общей животной жизни, съ отлетомъ птицъ, опаденіемъ листьевъ и съ прекращеніемъ грозъ, которыя первобытному человѣку казались разговоромъ міроваго духа, вместе съ этимъ общимъ упадкомъ дѣятельности природы и медвѣдь впадалъ во временную спячку. Съ весеннимъ пробужденіемъ природы выходилъ изъ своего заточенія и звѣрь; на небѣ начинались раскаты грома, и медвѣдь въ то же время начиналъ оживлять своимъ ревомъ лѣса. Эти биологическія замѣчанія привели дикаря къ обожденію медвѣди съ одной стороны съ грознымъ явленіемъ, съ другой съ солидарныи явленіями. И грозъ, и солнце могли представляться дикарю въ образѣ медвѣди.

По одной бурятской, сообщенной намъ г. Черскимъ, легендѣ, у Грома было три сына; однажды дѣти были на работѣ; отецъ, передѣвшись, явился къ нимъ и сообщилъ, что родители ихъ ввали въ болѣзнь и лежатъ при смерти; два брата, старшій и младшій, тотчасъ же поспѣшили къ родителямъ, но средній остался пообидать и, только уже закусавъ, отправился домой. Старшаго сына отецъ съхлѣбалъ никогда непогасающимъ и грѣющимъ солнцемъ, младшаго вѣрши подерживаемымъ и тѣнимымъ огнемъ, а средняго вѣчно измѣняющимся мѣсяцемъ. Легенды о трехъ сынахъ Грома, чаще о трехъ сынахъ неба, встрѣчаются и въ другихъ вариантахъ,

какъ у бурятъ и монголовъ, такъ и у алтайцевъ; одинъ изъ трѣхъ сыновей иногда называется громовникомъ, или ему приписывается открытіе огня. Огонь или молнія—это сынъ неба, спустившійся на землю. О томъ, что огонь спустился на землю съ неба, существуетъ не одно указаніе въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ сѣверной Азии. О медвѣдѣ (у остяковъ) рассказывается, что онъ сынъ Торуза, т.-е. неба и спустился съ неба на землю, слѣдовательно рассказывается то же, что объ огнѣ или молніи. У алтайцевъ мы встрѣчаемъ сказаніе о Джанкѣ, сынѣ неба; по нѣкоторымъ показаніямъ, онъ виновникъ грозныхъ явленій; вместе съ тѣмъ о немъ рассказывается, что его одѣлалъ Бобарганъ, который вслѣдъ за тѣмъ бѣжалъ съ неба на землю и спрятался подъ деревомъ; Джанкъ бросился за нимъ слѣдомъ; и теперь, если молнія ударитъ въ дерево, думаютъ, что подъ нимъ скрывается Бобарганъ, врагъ Джанки. Ино, что подъ Джанкомъ сказаніе подражаетъ молнію. Но нельзя не замѣтить, что Джанкъ или какъ это имя еще произносится Ынкъ, очень напоминаетъ алтайское же имя медвѣди—айнкъ. Изъ этого хорошо видно, до какой степени сливались представленія о шиведнѣи огнѣ съ культурной и гуманитарной ролью медвѣди.

Легенда о Джанкѣ не единственная въ этомъ родѣ; есть и другія легенды о пострадавшемъ сынѣ неба, преимущественно у сѣверныхъ монголовъ; только въ монгольскихъ вариантахъ сынъ неба предвременно спускается на землю и уже здѣсь терпитъ, или перегрызаетъ горло ольби (летяга), или умерщвляетъ его другіе враги, но также звѣриной породы. Люди въ качествѣ убійцы сына неба въ этихъ легендахъ не выступаютъ; но крайней мѣрѣ мы такихъ легендъ ни въ сѣверной Монголіи, ни въ южной Сибири не открыли. Только уже въ прикамскомъ Поволжѣ встрѣчаемъ сына неба Керемета, убитаго людьми. Тѣмъ не менѣе можно надѣяться найти подобные варианты и въ сѣверной Азии, или по крайней мѣрѣ, на основаніи намековъ, сохранившихся въ книжныхъ сказаніяхъ монголовъ, можно думать, что и здѣсь были такіе варианты. Наконецъ, въ сибирской обрядности мы находимъ достаточно подходящую почву для возникновенія подобной легенды. Мы разумеѣмъ медвѣжьи праздники, въ цѣльномъ видѣ сохранившіеся только на Амурѣ, но повидому своему существованію по всей Сибири. Эти праздники устраиваются, когда случайно убьютъ медвѣди, но кромѣ того, для этой цѣли purposely ловятъ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ выкармливаютъ медвѣжатъ. Вѣроятно, въ послѣднемъ случаѣ обрядъ бываетъ полнѣе. Выкармливаніе сохранилось теперь только на Амурѣ у гилыковъ и на островѣ Сахалинѣ у айновъ, въ остальной же Сибири медвѣжьи праздники устраиваются надъ трупами медвѣдей, убитыхъ на охотѣ. Сахалинскіе медвѣжьи праздники описываются слѣдующимъ образомъ. Откармливаемый медвѣдь обыкновенно содержится въ деревняномъ срубѣ; когда онъ достаточно подросъ, назначается день собранія на праздникъ. Сосѣди собираются въ то село, гдѣ будетъ проходить праздникъ, и первый день проходитъ въ угощеніи вномъ, въ пѣсняхъ и вообще въ весельѣ. Иногда гости уходятъ къ медвѣжьему срубѣ и оплакиваютъ его предстоящую смерть слезами и причитаніями. На другой день медвѣдя выводятъ изъ сруба или прямо къ смертному столбу или въ жилию юрту хозяина; выводъ его изъ сруба начинается съ того, что разбираютъ верхніе вѣтви сруба; затѣмъ набрасываютъ на звѣря пелли, которыя затягиваются у него на животъ въ то время, когда люди тянутъ за четыре конца веревокъ; въ это время за звѣря берется руками, украшаютъ его ермушками, обвиваютъ ими его уши и голову и выводятъ изъ сруба. Если его сначала помѣщаютъ въ жилию юрту, здѣсь ему подносятъ лакомые куски въ теченіи всего времени, пока длится праздникъ. У смертнаго столба иногда устраивается выставка орудій, одеждъ и матерій. Для этого вколачиваютъ колья дугой; по хордѣ также вколачиваются колья; на послѣднія вѣшаются циновки, изъ которыхъ образуется сѣнка, обращенная лицевой стороной къ столбу; на этой лицевой сторонѣ и вывѣшиваются упомянутые предметы. Животное привязываютъ къ столбу, затѣмъ одинъ членъ се-

*) Die Güterwelt, I, 44.

лени читается къ нему обращеніе, послѣ котораго выходитъ стрѣлокъ и однимъ выстрѣломъ убиваетъ зѣбру. Трупъ оставляютъ на нѣсколько минутъ висѣть на столбѣ; въ это время зѣбрыкоторые изъ присутствующихъ подходятъ къ убитому, припадаютъ къ его тѣлу и плачутъ. Затѣмъ его снимаютъ со столба, кладутъ на циновку, снимаютъ съ него шкуру, мясо варятъ и събѣдаютъ, а голову относятъ въ тѣбъ и выставляютъ тамъ на деревѣ или втыкаютъ на колы. Если мы припомнимъ, что тѣ же айны, которые устраиваютъ такіа кровава я пирушки, зовутъ медвѣдя синомъ горнаго духа, т. е., по всей вѣроятности, громовника, а также величаютъ его ламуемъ, т. е. богомъ, то сама собой напрашивается въ соединеніи легенда о богѣ, убитомъ людьми. А дальѣ, если мы примемъ въ соображеніе тѣ логическія замудренія, которыя дикарь итаетъ относительно законовъ движенія тѣлъ, припомнимъ, какъ онъ мало даетъ цѣны физическимъ причинамъ, и вѣрнѣе полетъ стрѣлы или пули приписываетъ желанію самой стрѣлы или ружья, припомнимъ, что, убивъ каменю птицу, онъ относитъ это событіе къ свойствамъ камня, хранитъ этотъ камень въ своемъ жилищѣ и обращаетъ его въ домашняго фетиша; если мы все это примемъ въ расчетъ, то намъ не покажется удивительнымъ, еслии кто дикарю тѣхъ временъ, когда не было огнестрѣльного оружія, но когда и другія, болѣе простыя орудія были еще несовершенны, приписалъ бы мысль, что медвѣдь самъ добровольно допускаетъ быть себя человѣку. Разсказы объ оленѣ, добровольно явившемся къ закланію на общественномъ жертвоприношеніи, живутъ и доселѣ на сѣверѣ Россіи, въ Вологодской губерніи, у нашего простаго народа и на Кавказѣ у туземцевъ. Поэтому, намъ кажется, нѣтъ надобности появленіе монгольскихъ легендъ о великой самоотверженности Бурхана-бакши, изъ жалости къ годовалымъ зѣбрымъ отдающаго имъ свое тѣло на събѣденіе, объяснять вліаніемъ гуманнаго ученія буддистовъ. Зарожденіе этихъ легендъ заключается въ описанной выше мѣстной обрядности.

Образъ Бурхана-бакши можно цѣлкомъ отнести къ творчеству поэтовъ шаманства. Онъ спустился на землю, чтобы зарвать людямъ правила мирной жизни; мы видѣли, что по повѣрью ослѣпая, медвѣдь, скучая на небѣ (подобно индійскому принцу Сиддартѣ, легшему въ основу нашего сказанія объ Иосифѣ царевичѣ, и скучавшему во дворцѣ царя-отца), несмотря на противодействие отца—Торуа (т. е. неба), уходитъ на землю, гдѣ и остается въ качествѣ подворгига прадки. Легенда о животворной водѣ, соединяемая съ именемъ Бурхана-бакши, также не стоитъ одною среди вѣрованій сѣверной Азіи. Легенда эта имѣетъ слѣдующее содержаніе. Бурханы-бакши съ двумя учениками сошелъ на землю посмотреть, каково живется людямъ и зѣбрымъ; увидѣвши, что живется имъ очень трудно, онъ рѣшился создать имъ животворную воду, которая принесла бы имъ безсмертіе. Но во время его временнаго отсутствія, Арахы-мангысы выпили приготовленную воду; Бурханы-бакши, увидѣвъ опорожненныи сосудъ, обратился сначала къ солнцу съ вопросомъ: кто совершилъ злодѣяніе; оно назвало преступника, но не указало мѣста, куда онъ скрылся; мѣсяцъ выдалъ убійца; злодѣя, богъ догналъ Арахы, бросилъ въ него своимъ очиромъ (железомъ) и раскѣлъ его пополамъ; но такъ какъ Арахы выпилъ животворную воду, то и съ отрубленной нижней частію онъ не можетъ умереть и продолжаетъ жить и мститъ свѣтлѣмъ за измѣну; особенно нападаетъ онъ на болѣе виновны мѣсяцъ, продгаваетъ его, но тотъ вновь вынашивается изъ отрубленной уробы чудовища. Очевидно, что это сказаніе относится къ новолунію, которое, по народному повѣрью, всегда сопровождается дождливой погодой. Подъ жи-

вотворной водой разумеется, вѣроятно, благодатный дождь. Другая легенда о Бурханѣ-бакши разсказывается, что онъ, желая накормить годовалыхъ зѣбръ, образовалъ въ заица и доволны зѣбрымъ събѣть себя; шкура этого заица и теперь видна на луиѣ. Опять мы видимъ, что легенда о Бурханѣ-бакши ставится въ связь съ мѣсяцемъ; по алтайскому повѣрью, мѣсяцъ отдаетъ себя на събѣденіе Джелдигеню; этии сами ипродци объясняютъ его новолуніе. По русскому повѣрью Богъ крошитъ мѣсяцъ на зѣбры. Вообще, уже изъ этихъ отрывковъ видно, что легенда о снѣгѣ неба ставилась въ связь съ мѣсяцемъ. Другія сибирскія повѣрья указываютъ на то же. Такъ, напримѣръ, въ монгольскихъ и алтайскихъ сказаніяхъ о снѣгѣ неба, умерщвленномъ на землѣ, имена злодѣевъ, ирото его, напоминаютъ имена тѣхъ чудовищъ, которымъ приписывается повѣрными разныхъ туранскихъ племенъ затмѣн мѣсяца. Участіе луны въ мнѣхъ первообитанца челока очень естественно; ни одно свѣтло не могло такъ удивлять его своими иженіями, какъ мѣсяцъ своими фазами и затмѣніями; его периодическое исчезновеніе и возрожденіе могло послужить основой для мнѣхъ о превращеніяхъ, о смерти и воскресеніи, о снѣгѣ старости новою юностью; актъ рожденія снѣжна сдѣлалъ его покровителемъ рожденій на землѣ; сибирскія ипродческія повѣрья о новорожденнхъ тѣлахъ связаны съ повѣрными о мѣсяцѣ. Серия грозъ, которая сопровождаетъ варожденіе мѣсяца, по народному повѣрью, казалась темной силой, преслѣдующей небеснаго младенца; отсюда, вѣроятно, азатскія легенды о младенцахъ, преслѣдуемыхъ враждебными людьми или самимъ царемъ. Иногда мальчико вынесены изъ снѣга на концѣ коня; можетъ быть предъ творцомъ мнѣхъ одновременно послали картины нова луныи грозы и охоты за медвѣдками для откармливанія.

Исторія одного годовикаго мальчика составляетъ содержаніе духовнаго стиха, который поетъ дорбюти. Самъ онъ называетъ это произведеніе стихомъ въ честь богини Паганъ-дарихъ. Эта богиня, разсказывается въ стихѣ, молилась е дарованіи ей хотя одной изъ трехъ драгоцѣнностей; молитва е услышана и у нея родился сынъ, но на третій день онъ пещетъ, т. е. умеръ. Мать идеть искать его; встрѣчается тагирювъ, но тѣ не умѣютъ ничего ей сказать; она обращается къ ворожеѣ и тогда узнаетъ, что младенцъ ей похищенъ Гальбинъ-бурханомъ и заключенъ въ 365 золотыхъ бѣмѣ (кушуняхъ). Переодѣвшись служанкой, мать идеть къ Гальбинъ-бурхану и находитъ е въ услуженіи. Здѣсь она предостерегаетъ плакать и звать снѣгого сына; сынъ услышалъ рыданія матери, расторгъ свои узы и бросился въ еи объятія. Это сказаніе несомнѣнно относится къ мѣсяцѣ; помимо другихъ указаній, о томъ свидѣтельствуетъ имя Гальбинъ-бурхана. По бурятскому повѣрью, затмѣнія луны приписывае дзз Альбинъ. Интересно, что сынъ Паганъ-дарихъ называется Аю, т. е. медвѣдь; это еще разъ свидѣтельствуетъ, какъ мѣсяцъ и медвѣдь дружно содѣйствовали образованію сѣверно-азатскаго мнѣхъ о страстотерпцѣ.

Темными путями и извилистыми проходами пробиваясь къ итегѣ дикарь сѣверной Азіи и пестина, бедная къ нему на ветрѣчу, выдѣлалась часто скрытою подъ страшною и безобразною маскою; и однако, въ концѣ-концовъ, мы находимъ его обладателемъ созданныхъ его собственнымъ умомъ и воображеніемъ повѣрній, обрядовъ и легендъ съ глубокимъ нравственнымъ содержаніемъ, которое, несмотря на кровавую иногда обстановку обряда и на грубую вѣтхность частной жизни самаго дикаря, придавало его общественному строю много челоѣчности.

ГИВНУЩІЯ СИЛЫ.

Сергій Александрович Срътенскій. («Недѣля», 1882 г., № 24, «Сибирь», 1880 г., № 9).

«Немного литературныхъ, еще меньше общественныхъ дѣятелей и самый ничтожный процентъ «идейныхъ» борцовъ представляетъ сибирская интеллигентная среда. Подавленная, отдаленная отъ центровъ умственного движенія, лишенная органовъ свободнаго обмена мысли, она не могла создать и не создала ничего самостоятельнаго въ смыслѣ общественномъ и умственномъ». Но и здѣсь общая струя высокочеловѣчныхъ стремленій пробиваетъ себѣ дорогу, напоминаетъ, что существуютъ и здѣсь потребности духовной и гражданской жизни, воплотить возможныя при условіяхъ сибирской нормальной самодѣятельности. Такъ начинаеть одинъ авторъ воспоминанія о недавно умершемъ сибирскомъ писателѣ, помѣщая черты изъ его биографіи въ «Недѣлѣ». Биографія эта и самое положеніе лица имѣеть много поучительнаго и драматическаго, рисуя положеніе края и общества въ данный моментъ его существованія.

Въ сибирской деревнѣ, въ глуши, въ с. Николаевскомъ, Ачинскаго округа, появляется писатель того же типа, какъ и Помяловскій, съ тѣми же стремленіями, съ тою же богатою натурою, съ тою же мучительною каждою социально-психическаго анализа, обращеннаго только къ другой окружающей его средѣ. Судьбу этого писателя стоить прослѣдить. Что это былъ типъ аналогичный Помяловскому, доказываетъ его биографія и даже происхожденіе. Сергій Александровичъ Срътенскій былъ также семинаристъ, окончившій курсъ въ томской семинаріи, пробавшій учителемъ сначала въ духовномъ училищѣ, а потомъ, по желанію родителей, поступившій въ священника и поселившійся въ бѣдномъ сибирскомъ селѣ. Литературное призваніе его и дарованіе проявились также на школьной скамьѣ. Вотъ что онъ говоритъ о началѣ призванія въ письмѣ къ своему другу: «На семинарской скамьѣ я написалъ «Бурсака» и ревниво хранилъ его даже отъ товарищей, а Помяловскій выступилъ въ свѣтъ съ своими «Очерками Буренъ» и привлекъ общее вниманіе. Безспорно, мой «Бурсакъ» несравненно ниже, по художественной обработкѣ, очерковъ Помяловскаго, но кто знаетъ, можетъ быть и Помяловскимъ руководила опытная въ литературной работѣ рука». «Что, если бы для меня въ то время нашлась поддержка?» продолжаетъ онъ исповѣдь. «Можетъ быть, съ семинарской скамьи, мнѣ пришлось бы стать въ ряды писателей, а вѣдь «лиха бѣда начало». Таковы условія, среди которыхъ зародился талантъ; онъ отличается крайнею робостію, сомнѣніями въ своихъ силахъ, отсутствіемъ поддержки, и это составляетъ мучительную сторону его субъективной жизни. Но талантъ и призваніе такъ были сильны, что они не могли заглухнуть и все-таки вырвались наружу. «Провалившій даромъ «Бурсакъ», разсказываетъ онъ въ томъ же письмѣ, «не обезкуражилъ меня; поступивъ учителемъ, я примкнулъ къ «Искрѣ» и доставлялъ кое-какіе матеріалы къ «Хроникѣ прогресса»; въ концѣ-концовъ, редакція поручила мнѣ «Сказки русской Шехерезады». Но это завидное порученіе застало меня уже поступившимъ на мѣсто и забившимся въ глушь. Остальное извѣстие тебѣ».

Посмотримъ, въ какую же среду попадаетъ этотъ развѣтывающійся талантъ. «Среда эта дѣйствительно была глухая», говоритъ биографъ. Сосѣдніе деревенскіе священники, знающіе только свои академіи; полицейская власть, выходящая въ сельскомъ священникѣ лицо подначальное; сельская власть, дающая на каждомъ шагѣ пониманіе, что нонь зависитъ отъ міра, а міръ отъ нея; самъ сельскій міръ, не раздѣляющій представителей церкви отъ молціи; сельскіе педагогич., полные всякихъ дразнъ, вотъ какова была эта среда». Начинается двойной психическій анализъ въ душѣ и за себя, и за среду. Это сочетаніе индивидуальнаго и общественнаго недуга изурядуетъ организмъ, измучиваетъ, подтачиваетъ силы, онъ мѣшается работѣ, останавливаетъ смѣлый полѣтъ, создаетъ невыразимыя душевныя муки и въ концѣ—смерть!

Вотъ результатъ этихъ субъективныхъ страданій. «Куда бѣжать?» обыкновенно говорилъ покойный... «Я связанъ и семинарскимъ воспитаніемъ, и отцовскимъ деспотизмомъ, приневолившимъ меня надѣть рису, и брачнымъ союзомъ, и тѣмъ подожженнымъ горюмъ, который даетъ мнѣ возможность по крайней мѣрѣ не умереть съ голоду. Связаны я наконецъ и закономъ, который какъ-бы болѣе дозволяетъ мнѣ вступить на свѣтскій путь».

«Скучно какъ-то, другъ мой, живется,—писать онъ въ октябрѣ 1876 г., такъ скучно, что мочи вѣтъ. Ни одного живого человѣка кругомъ, ни одного задушевнаго слова не промолвилъ по цѣлымъ недѣлямъ».

Я жить хочу, хочу печали...

«но—все обманъ, обманъ! Обманъ самого себя! Когда посмотришь въ самого себя, то съ ужасомъ видишь, что уже началъ разрушаться, и никакая сила не остановитъ этого разрушенія... Убийственное сознаніе!. А прошлое? Чѣмъ оно красно? Это рядъ ошибокъ и увлеченій, длинная вереница лѣтъ, прожитыхъ безцѣльно и безплодно. Надежда на будущее!.. Но вѣдь будущее съ неба не сваливается: его необходимо приготовить... И тѣмъ страшнѣе подобная апатія, тѣмъ больше сознаешь въ себѣ силы, которая позволила бы тебѣ сказать не одно хорошее слово добрымъ людямъ, если бы...»

Лишь шагъ одинъ, что нуженъ вдругъ!

Межъ тѣмъ осилитъ насъ всецѣло
Паразитическій недугъ...

«Чтобы избавиться отъ этого недуга, намъ нужна поддержка». (Недѣля № 24) Этой поддержки ищетъ долго душа писателя, сомнѣвающейся въ своихъ силахъ, хотя эти силы не сомнѣвны; она ищетъ ихъ и не находитъ. Въмѣсто того, чтобы гордо выступить на борьбу и смѣло взяться за дѣло, его все еще мучаютъ сомнѣнія. Черезъ годъ онъ пишетъ тому же другу, въ 1877 году: «Боже мой, Боже мой, что это дѣлается! И гдѣ исходъ, гдѣ конецъ борьбы съ самимъ собою? Я вѣрю, что у тебя не поднимется рука бросить въ меня камень; предоставь это другимъ: найдутся, милый мой... а ты—

Ты не кори меня горемъ-злосчастіемъ,

А подари лучше теплымъ участіемъ».

«Все, мой дорогой, хорошо, можно бы работать, пожалуй,

и силы и здоровья еще хватило бы, да одно съверно: что работать-то приходится одному,

Подъ бурю, тьмой окруженному,
Безъ опоры, безъ слова участія.

«Неужели во мнѣ есть литературный талант? Плохо какъ-то вбритое, потому что рядомъ съ этимъ счастьемъ «горе-злобастіе» глядитъ черезъ мое плечо во время работы и съ флюидою проношу напечатать слова Фауста:

Мой Богъ, со мною естѣй, онъ во мнѣ
Глубоко начерталъ свое благоволеніе
И онъ-же, силъ моихъ владыко, онъ извѣстъ
Мнѣ не помяте крупныя ушибленія!

«Личный трудъ, личный починъ—больше не на что рассчитывать! Но куда дѣвать это горькое сознаніе—что и индивидуальное, субъективное «утѣшеніе» не существуетъ?.. И вновь разочарованіе!.. Долго-ли, трудно-ли, кажется:

Все впередъ да впередъ понемногу
Изъ глуши, изъ тьмы, изъ пустынь,
И намелъ—проложить путь-дорогу:
Впередъ одна свѣтлая снѣдь...»

По этой «свѣтлой снѣди» не удалось увидѣть писателю. Несмотря на то, что онъ нашелъ выходъ, что блестящія очерки народной жизни нарождаются изъ-подъ пера его, что наступилъ конецъ мучительному сомнію въ своихъ силахъ, что субъективное нравственное удовлетвореніе найдено, но по мѣрѣ того, какъ открылась возможность работать для своей родины, въ душѣ идетъ новый шквалъ, это анализъ общественного недуга, гораздо болѣе страшнаго, чѣмъ субъективный анализъ. Въ этомъ психическомъ процессѣ отражена черта настоящаго крупнаго таланта. Имъ страдаютъ и Пomyловскій и Срѣтскій. Этотъ недугъ придаетъ имъ солидарность на разныхъ полюсахъ отечества, открывая одинаковыя условия социальной среды, одинаковое исканіе выхода. Повидимому, это двѣ разныя среды, двѣ разныя натуры, другъ на друга непохожія. Одинъ, могучая, атлетическая натура, бурсакъ, силчакъ, ведущій бурную жизнь и борьбу, другой, впечатлительная, вѣжвая натура, съ впаилою грудью, съ выдающимися отъ худобы скулами, съ острыми очерченіемъ бѣдныхъ, малокровныхъ губъ, въ косичкахъ, въ подрясникѣ, въ должности селскаго священника, страдающаго скромнаго и святаго образа жизни; одинъ разорванный съ своимъ прошлымъ, съ средою, другой, связанный съ этою средою неразрывно и послушно умирающій въ ней. Предъ однимъ былъ мѣръ столицы, городская жизнь русскаго общества, интеллигентныя кружки, предъ другимъ деревня съ ея крестьянской средой, съ ея бѣдной жизнью. Предъ однимъ прогрессирующее отечество, предъ другимъ несчастная и забытая его родина. И тѣмъ не менѣе, одинъ и тотъ же психическій процессъ, одинъ и тотъ же смертельный недугъ гложетъ ихъ и губитъ силы. Оба художники по призванію, оба психологи и анатомы общественной жизни; отъ наблюденій за индивидуальнымъ несчастьемъ отдѣльныхъ лицъ, они переходятъ къ сложному механизму общественной жизни, къ цѣлымъ типамъ, къ судьбѣ сословій, къ неразрѣшимымъ загадкамъ и дѣйямъ социальной жизни. Какъ предъ Пomyловскимъ открывается мѣръ городского пролетаріата, распускаются его мучительные образы, терзающаго его внутреннего мѣра, не дающаго покоя и открывающаго общую социальную язву, которая заставляетъ писателя невыразимо страдать за все общество, такъ предъ другимъ открывается мѣръ крестьянства

и мѣръ народнаго горя, онъ также болѣзненно стѣбаетъ за своихъ героями, открываетъ страшныя условия жизни, видитъ гибель своихъ героев, и въ немъ зарождаются тотъ же социальный анализъ, исканіе причинъ; онъ задумывается надъ средою, надъ цѣлымъ строемъ вещей, возмущаясь до шесте-летнаго общественнаго. Этотъ процессъ пережитыхъ и воплощенныхъ общихъ горестей, выношенныхъ въ душѣ индивидуальныхъ несчастій, дума за прошлое, думы надъ будущимъ, не проходить даромъ ни для какого сильнаго организма. Въдѣ нужно не только перемучиться и перечувствовать, а и десять разъ воскресить въ душѣ эти страданія, разобрать ихъ, облить ихъ горькими слезами и показать ихъ обществу. Одинъ, свѣдѣмъ этими ощущеніями, разгоревшійся, изверванный, вретъ и мечетъ, не находя выхода для своихъ общественныхъ идеаловъ, онъ ищетъ забавенія и титаническая натура его жаждетъ сильныхъ ощущеній. Другой, замкнутый въ себѣ, скромный и тихій, сдерживается, воеетъ внутри себя и ждѣтъ, пока злой недугъ истощитъ его грудь и исхудаетъ тело, хохотка приближалась! Гибель Пomyловскаго, критика враждебная выправленію молодухъ писателей 60-хъ годовъ объясняла грубой натурой, бурсакскою привычкою и разнузданностью въ жизни. Она старалась затереть въ немъ его благородный человѣческій образъ, его сражающую душу и загородить ту идею, которая составляла блескъ его жизни.

Но вотъ передъ нами священникъ съ безупречною жизнью, которому О. М. Достоевскій могъ посвятить лучшія страницы, предъ нравственной чистотой котораго никто не смѣетъ сказать упрека. И тѣмъ не менѣе, намелъ ли онъ искомымъ выходъ, намелъ ли нравственное удовлетвореніе? Если Пomyловскій не находилъ душевнаго покоя и удовлетворенія своему идеалу въ столицѣ, въ сердцѣ русскаго общества, то же сказать про человѣка, ставшаго лицомъ къ лицу съ обездоленнымъ народомъ средою, въ глуши крестьянскихъ деревень! Его положеніе трагическое! Мы видимъ, что скромный священникъ, писатель по призванію, мучится и ищетъ дорогу, выходъ своей общественной дѣятельности. Онъ понималъ, что не скромная сельская каноера, неположеніе грѣбъ и проповѣдь о смиреніи и покорности нужна здѣсь. Штъ, нужна была еще другая проповѣдь, проповѣдь общественная, въ которой призывалъ писатель. Она должна поднимать, воодушевить общество и указать ему его язву. Это внешне призваніе было найдено, а съ нимъ наступало и нравственное удовлетвореніе исполненія долга. Нарождалась жѣткая печать. Вотъ что рассказываетъ биографъ о литературной дѣятельности сибирскаго Пomyловскаго: «Когда началось издаваніе газеты «Сибирь, С. А. ожить. Предположенія его и восторженными привѣтствіями не было конца. Векоръ онъ стѣбился постояннымъ и виднымъ сотрудникомъ газеты, хотя, работая въ теченіе семи слѣдующихъ лѣтъ, не получалъ вознагражденія... Однако и на этомъ пути дѣятельности С. А. приходилось испытывать горькія разочарованія: лучшія статьи его, посвященныя жѣткому управленію и экономическимъ вопросамъ, остались непронужденными Иркутскою цензурою. Остались же ихъ въ то время (1875—1877 г.) въ столичной газетѣ была болѣе, чѣмъ неудобна; онѣ были чѣсто жѣтнаго характера. Сергій Александровичъ хотя и говорилъ: «Прежде всего—общность интересовъ, общее, неразрѣшимое противодѣйствіе вражескимъ силамъ, а затѣмъ—вопросы жѣтнаго»—во вопросѣ теории, онъ всецѣло посвятилъ себя жѣткому

интересамъ. «Въ столицахъ свои витія и апостолы,—обыкновенно говорилъ онъ,—поработаемъ и въ нашихъ мизерныхъ газеткахъ!» И онъ работалъ, не получая за трудъ ничего, работалъ несмотря на то, что половина его статей не пропускалась цензурой въ печать. Зато нужно было видѣть, какая радость, какое торжество навалили все существо покойнаго, когда ему удалось проводить въ газетѣ ту или другую выработанную имъ мысль... «Не погибла напрасно: равно или поздно принесетъ свой плодъ!»—стѣ дѣткою, чистотою вѣрою восклицалъ онъ. Несмотря на все огорченіе, это было единственное наслажденіе его жизни. «Редакція требуетъ статей. Я счастливъ, безконечно счастливъ!»—пишетъ онъ 30 апрѣля 1877 г. Последнимъ изъ зрѣлыхъ его произведеній были «Сибирскіе мученики»—одно изъ лучшихъ и глубоко обдуманныхъ произведеній С. А. Первая глава начинается описаніемъ глухого сибирскаго села—того самаго, гдѣ служилъ покойный священникъ—и вѣсколькихъ крестьянскихъ семей, изъ которыхъ онъ и беретъ своихъ «мучениковъ». Семья эти возмущены въ своей тихой жизни хвастливымъ разказомъ одного поселенца, вернушагося съ провинціальной операциі, о легкости важныя черезъ прісковый трудъ и о прѣдсѣяхъ такого труда. И вотъ, удивленныя блестящей перспективой, доврѣившіяся сказкамъ поселенца семьи, отрываются отъ кормилицы-земли и идутъ въ волнующую категорію. Тутъ авторъ знакомитъ съ промысловымъ бытомъ, живыми красками изображаетъ сибирскаго рабочаго, обогащающаго цѣною тяжкихъ страданій и даже жизни сибирскаго золотопромышленника, изображаетъ всю гадость кулачества послѣдняго, все произволъ мѣстной администраціи и т. д. Въ заключеніе описывается гибель всѣхъ этихъ родовъ—«мучениковъ» и разореніе ихъ семействъ. Здѣсь, какъ видно, авторъ стремился вложить свою душу и показать всю глубину крестьянскихъ несчастій. Очерку этому не суждено было увидѣть свѣтъ. Болѣзнь сломила его. «Куда дѣвалась всѣ его рукописи, пишетъ его товарищъ,—намъ неизвѣстно; по всей вѣроятности они погибли, благодаря усердію мѣстнаго исправника, подвергнувшаго ихъ опечатанію и пересмотру» (sic!) (Недѣля № 24).

Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь тяжелую судьбу мѣстнаго писателя и тѣ причины, которыя не позволили ему развернуться и привести пользу. Иныхъ только онъ нашелъ выходъ и хотѣлъ нарисовать правдивую картину мѣстнаго быта, выставить вопіющія нужды населенія, мѣстная цензура загордилась ему дорогою. И чья же это была цензура? Цензура тѣхъ исправниковъ, произведенныхъ въ цензора, которые обрали народъ, которые дѣйствовали въ стачкѣ съ кулаками, составлявшими язву края. Слова священника, нравственной личности писателя, гражданина, любящаго свой край, не заслуживали въ этомъ край доврѣія и авторитета, а слова взяточничковъ являются достоѣяніемъ. И это не единственный примѣръ. Священникъ Адриановъ, въ Курганскомъ округѣ, въ 60-хъ годахъ, когда началось продажа крестьянскихъ земель, сталъ на сторону крестьянства; онъ доказывалъ, къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ это хищеніе, но статьи его, посланныя въ мѣстныя губернскія вѣдомости, не были пропущены, а черезъ 20 лѣтъ мѣра эта была признана пагубной и ошквенна. Такъ дѣла идутъ въ Сибири. До сихъ поръ въ губернскихъ вѣдомостяхъ надо лѣпить мелкому губернскому самолюбію, восхвалять разныхъ губернскія за-

тѣхъ, хвалятъ исправниковъ, но нѣтъ мѣста честному голосу, поэтому въ губернскихъ вѣдомостяхъ находятъ мѣсто льстецъ, повтычки и приживалки. За то писатели. За то горе частной печати въ Сибири! Газета, гдѣ нашелъ мѣсто Срѣтенскій, была выразительницей мѣстной жизни, она уже росла, оперялась, находила сотрудниковъ, подписчики ея увеличивались до 1,000 и она уже могла платить гонораръ своимъ труженникамъ, но на нее силался ударъ за ударомъ. Мѣстные просвѣтителі ничего не пропускали за то, что въ газетѣ не хваляли исправниковъ. Наконецъ, мѣстные «просвѣтителі» доканали мѣстную печать. Обѣ частныя газеты въ Сибири, какъ извѣстно, обезличены, уничтожены. А между тѣмъ, только въ этой частной печати и могли выразиться лучшей силой общества. Здѣсь могли развернуться таланты, подобные Срѣтенскому. Сибирское общество нуждается уже не только въ газетахъ, но, какъ видно по нарождающимся силамъ, даже въ журналистику. И это не фиктивная, а дѣйствительная потребность. Она стоитъ жизни писателямъ!

Напрасно стали бы увѣрять, что мѣстная литературныя силы, какъ С. А. Срѣтенскій, могли бы найти мѣсто въ столичной журналистикѣ. Это не такъ. Во-первыхъ, столица не можетъ сосредоточить всѣ провинціальныя силы, во-вторыхъ, силы эти, потерявъ мѣстный колоритъ, жаръ сердца, превратятся въ подвѣшниковъ, инвентаризованные и обезличенныя столичной печатью, только погибли бы. Судьба такихъ лицъ, какъ Кушевскій, незавидна.

Наконецъ, такіе люди, какъ Срѣтенскій, слишкомъ любятъ свою родину. «Въ столицахъ свои витія и апостолы, поработаемъ въ своихъ мизерныхъ уголкахъ», говоритъ онъ. «Любовь къ Сибири доходила въ немъ до экзальтаціи», говоритъ другой биографъ въ его некрологѣ. Плодомъ этого чувства выражается у него глубоко прочувствованное стихотвореніе:

Вѣчно томимый завѣтной кручиною,
Грустно стою предъ родимой картиною...
Робкое сердце тревожно стучитъ;
Карицету ли воронъ, выголь-ль гудитъ?
Чувствую такъ больно, и мисль подавляется,
Словно, весь міръ умираетъ собирается.
Вотъ они, грозно-тяжелые дни!
Медленно, страшно проходятъ они,
Точно надъ степью раздольно суровою,
Туча за тучею массой свищущею;
Даль непроглядная мутно-темна...
Что-то въ грядущемъ готовитъ она!
Бѣдная родина, съ бѣдной природою!
Ты ли кичишься престоламъ—свободою!
Ты ли гордишься безъ края тайгой,
Степью раздольной и рѣкъ глубиной?
Знаю, сильна ты своимъ прѣдкамъ;
Всякъ твой съи очертаньями смѣлыми,
Свѣтѣныи шапками въ небо ушли,—
Нѣтъ богатче и шире земли!
Но, расказжи-жъ, безпривѣтно-холодная,
Гдѣ твои вѣна завѣтно-свободная,
Или въ твоей перемерзлой груди
Зрѣетъ она и взрастаетъ впереди?

Жду я отъѣта, родная земля!
Но, безотвѣтны пустыя поля...

*) Иркутская цензура вырвала здѣсь кусокъ изъ сердца поэта.

Это стихотворение показывает вѣру въ грядущее, вѣру въ возрождение, такъ же, какъ и скорбь за настоящее. Такие люди не оставляютъ родную, а раздѣляютъ ея жребій. Они не промѣняютъ ее на почести и славу. Ихъ судьба связана съ судьбою народа. Если они умираютъ, то умираютъ на своемъ посту, въ своей горькой судьбѣ и несчастьи, служа примѣромъ гражданской доблести, указывая дорогу мѣстному служебю и являясь великимъ предвѣстіемъ зарождающаго самосознания народнаго. Ихъ пора еще не наступила, но должна наступить, когда начнется возрожденіе на мѣстной почвѣ. Это гибнущія силы, но въ нихъ лежитъ и залогъ грядущаго обновленія.

Молодой Сибирякъ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Несмотря на ту тайну, которую окружила себя конференція по египетскимъ дѣламъ, нѣкоторые свѣдѣнія объ образѣ мыслей различныхъ представителей державъ проникли въ печать. Такъ, напр., известно, что лордъ Дюфуринъ сформулировалъ нѣсколько предложеній, которыя опредѣляютъ права султана въ Египтѣ, права палаты пашей, права генеральныхъ контролеровъ и ихъ отношенія къ египетскимъ властямъ и учрежденіямъ. Кроме того, представители всѣхъ державъ дали убѣжденіе, что до окончанія конференціи ни одна изъ державъ не предприметъ отдѣльныхъ дѣйствій въ Египтѣ, если это только не окажется необходимымъ для огражденія пролегающихъ тамъ европейскихъ. По свѣдѣніямъ «Агентства Гавая», конференція обсуждала также вопросъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ Турціи въ египетскія дѣла. При этомъ выяснилось, что соединенная Европа считаетъ необходимымъ обставить это вмѣшательство такими условіями, при которыхъ оно никоимъ образомъ не могло бы обратиться въ оккупацию Египта. По извѣстіямъ «Daily-News», конференція положительное признаетъ необходимость вооруженнаго вмѣшательства въ египетскія дѣла, но подлагаетъ, что, въ виду очевиднаго соглашенія между Портой и Араби-пашей, оно не можетъ быть поручено турецкимъ войскамъ. Говорятъ, что Англія предложила свои услуги, но встрѣлила протестъ. Нѣмецкая печать сообщаетъ, что представители державъ единодушно стараются склонить Порту примкнуть къ конференціи. Султанъ колеблется. По мнѣнію Порты, международная конференція, уполномочивъ кого бы ни было на вооруженное вмѣшательство въ египетскія дѣла, учинила бы тяжкое нарушение державныхъ правъ султана.

Араби-паша выражаетъ орденѣмъ Медалье дѣ первой степени. Награда эта наводитъ на подозрѣніе о тайномъ союзѣ между Араби-пашею и султаномъ. Существовать также мнѣніе, что награда эта есть не что иное, какъ новая ловушка, ловко разставленная. Говорятъ, что Араби-паша намѣренъ ѣхать въ Константинополь, благодарить султана за оказанную ему милость, а тогда возвращеніе его въ Египетъ всегда сомнительно. Султанъ, если не по собственной инициативѣ, то по требованію конференціи, можетъ задержать Араби-пашу пѣтвинкомъ въ Турціи. Нѣкоторые дипломатические кружки видятъ здѣсь разрѣшеніе вопроса. Но отъѣздъ свой Араби-паша еще не рѣшилъ. Онъ очень встревоженъ маневрами англійской эскадры на александрійскомъ рейдѣ, и командировалъ на англійское флагманское судно египетскаго контръ-адмирала потребовать объясненія. Кроме того въ Каирѣ пригласены всѣ министры. Араби-паша съѣзжаетъ на султана, давшаго предписание остановить работы по сооруженію земляныхъ укрѣпленій и будто бы грозить, въ случаѣ обнаруженія двойственности Порты, разоблачить леренію, искомую обрывать политику Тур-

ціи въ весьма непріятельскомъ свѣтѣ. Въдѣствие тревоги, произведенной англійскимъ маневромъ, положеніе европейцевъ въ Александріи вновь сдѣлалось опаснымъ, магазины снарядовъ, европейцы уѣзжаютъ, проявляются угрожающіе признаки новаго движенія, съ часа на часъ можно ждать катастрофы.

Англія, несмотря на встрѣченный протестъ со стороны конференціи, надѣется отстоять свое предложеніе и готовится къ десанту въ Египетъ. А между тѣмъ изъ состава сухопутной арміи, для операцій въ Египтѣ, въ распоряженіи Англіи имѣется только одинъ 1-й армейскій корпусъ численностью въ 20,000 человекъ, да 7000 — 8000 человекъ морской пѣхоты и артиллеріи. Тогда какъ Араби-паша располагаетъ арміею въ 70,000 человекъ, прекрасно вооруженныхъ, кромѣ того у него есть опорные пункты, Александрія и Берраджъ. Подъемъ духа египетскихъ войскъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, а потому Англіи нужно имѣть въ виду кампанію, а не экзекуцію. Впрочемъ, по мнѣнію многихъ газетъ, Англія не желаетъ вступать въ единоборство съ Араби-пашею, она имѣетъ въ виду только вступить первую въ египетскую землю, чтобы взять въ свои руки Суэзскій каналъ. Внутри страны неурядица растетъ, аграрная война продолжается. Убиты управляющій имѣніемъ лорда Кларгарда Кинъ и вѣнгерскій Бельъ. Въ палатѣ общій идетъ несогласіе партій, Парель и 15 другихъ пригласенныхъ депутатовъ признаны виновными въ зативаніи прений и лишены права голоса въ теченіе одного засѣданія. Министерство едва держится. Его дѣйствія, закрытія какою-то ташественно завѣсно, еще болѣе раздражаютъ общество. Въ засѣданіи палаты общины 1 июля (19 іюля) одна статья предложеннаго билля отвергнута, двѣ приняты. Государствъ настаиваетъ на необходимости скорѣйшаго утвержденія всѣхъ статей этого билля. Въ Клервеннѣ захвачено оружіе, что послужило къ разоблаченію дѣлъ въ Ирландіи и къ открытію въ ней заговора.

Князь Бисмаркъ намѣренъ самъ сдѣлаться министромъ финансовъ, вмѣсто вышедшаго въ отставку Биттера и взять себѣ въ помощники г. Шольца. Если этотъ слухъ справедливъ, то князь Бисмаркъ будетъ одновременно германскимъ канцлеромъ, президентомъ совѣта министровъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, министромъ торговли и министромъ финансовъ. Говорятъ, что канцлеръ давно желаетъ въ лицѣ своемъ сосредоточить все министерство и имѣть подъ своимъ начальствомъ нѣсколько тысячъ товарищей.

По слухамъ, Франція противъ вооруженнаго вмѣшательства въ египетскія дѣла, и народъ французскій начинаетъ симпатизировать народной египетской партіи.

Въ Сербіи, несмотря на то, что дополнителныя выборы дали депутатамъ оппозиціонной партіи, въ скупщинѣ преобладающимъ элементомъ все-таки остались правительственные депутаты, т.-е. лица, въ свое время избраннаго подъ давленіемъ полицейской власти. Этимъ объясняется, что законъ объ ограниченіи печати прошелъ почти безъ замедленія. Нѣкоторые депутаты скупщины желали выйти въ отставку, но невнимательное сербскому народу министерство Гарашанина назначило за такую пошутку штрафъ въ 1,000 динаровъ (франковъ) и кромѣ того соединило съ отставкой депутатовъ преступную идѣю «оставить дѣйствіе скупщины». Такимъ образомъ министерство достало скупщину въ невозможное, небывалое положеніе. Такая политическая игра опасна и можетъ повести къ революціи. Это сознаетъ и Австрія, въ угоду которой король Миланъ обязалъ себя министерствомъ, оказавшимся несостоятельнымъ въ высшей степени и подорвавшимъ некое довѣріе народа къ правительству. Въ австрійскій печати раздаются порицанія дѣйствіямъ сербскаго правительства, возмущаютъ его подвиги и въ Берлинѣ. А пока нечего возмущаетъ, сербское правительство плетъ свою дорожку.

Въ Ватерліи составленіе новаго кабинета поручено, по слухамъ, бывшему въ первомъ кабинетѣ министру внутреннихъ дѣлъ Бурмову. Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ бу-

дети Бологановы, министром народного просвещения—Буковцов, юстиции—Греков, министром финансов—Начаев, внутренних дѣлъ—генерал-майоръ Соболевъ, военнымъ министромъ—баронъ Каульбарсъ. Портфель вновь организованнаго министерства публичныхъ работъ врученъ будетъ Буковцову, Киевъ Александръ будетъ въѣздъ свиданіе въ Рущукѣ съ королемъ Миланомъ, затѣмъ князь посетитъ румынскаго короля, а осень проведетъ въ Шумбѣ, гдѣ будутъ проходить маневры войскъ. Доктору Шиманову запрещено прохаживать въ Сѣбѣ по неблагополучности. Газета «Братство» запрещена за впаденіе въ революціонныхъ воззваній, заключающихъ въ себѣ крайне рѣзкіе нападки на князя и офицеровъ и осмѣяніе религіи.

Событія русской жизни.

Изъ правительственнаго сообщенія видно, что незамедлительно отъ арестовъ политическихъ преступниковъ, произведенныхъ въ Кіевѣ, Одессѣ и Москвѣ, въ Петербургѣ задержано нѣсколько важныхъ государственныхъ преступниковъ, извѣстныхъ по прежнимъ дѣламъ. 5-го іюня задержано восемнадцать лицъ, изъ которыхъ семь провозили по подложнымъ паспортамъ, причемъ квартира послѣднихъ представляла мастерскую для производства динамита и разрывныхъ свиродовъ. Одновременно съ этими арестами, въ Москвѣ задержано нѣсколько лицъ. Изъ Москвы, кромѣ того, скрылись три лица, проживавшія по подложнымъ паспортамъ, оставивъ въ своей квартирѣ принадлежность типографіи, для печатанія подложныхъ изданій.

— Съ 1-го іюля получить примѣненіе новый таможенный тарифъ. Пошночно облагаемыя такіе товары, которые прежде провозились безпошлинно. Кромѣ того возвышена плата на предметы роскоши, какъ, напр., на вина, фрукты, пряности. Впрочемъ, въ числѣ предметовъ роскоши можно встрѣтить и кофе, продуктъ давно сдѣланный общепотребительнымъ.

— Съ синодомъ разрѣшено занимать священническихъ мѣста лицамъ, неокончившимъ курсъ семинарій. Распоряженіе это не вызвало сочувствія ни въ одной газетѣ. Въ послѣднее время въ различныхъ слояхъ общества много толковалось о необходимости расширить кругъ образованія, получаемого священникомъ, согласно требованіямъ жизни, а жизнь требуетъ отъ священника такихъ разнообразныхъ познаній, что онъ оказывается совсѣмъ неподготовленнымъ къ жизни, перутиной дѣятельности. Распоряженіе синода явилось въ разрѣзъ ожиданіямъ общества. Не нужно забывать, что лица, неокончившія курсъ, въ большинствѣ случаевъ или неспособны, или лѣныя.

— Какъ извѣстно, введеніе земскихъ учреждений въ Прибалтійскомъ краѣ отложено до осени, а до того времени правительствомъ поручено заглавнымъ обсудитъ дѣло и представить по этому предмету свои соображенія. 16-го іюля открылось экстренное засѣданіе земледельскаго ландтага и въ скоромъ времени послѣдуетъ открытіе ландтаговъ въ губерніяхъ Индліандской, Курляндской и на островахъ Эзель. Еще неизвѣстны взгляды нѣмецкой аристократіи на земскія учреждения, но нужно полагать, что она войдетъ наконецъ, что съ духомъ времени спорить нельзя и что настала пора подѣлиться правами съ демократіею, ставшею на высокую степень образованія и выросшею нравственно и умственно. Земскія учреждения должны упрочить дѣя враждебная партіи въ краѣ.

— Опубликованы новые правила для поступленія на высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ. Мы не сообщаемъ подробностей, такъ какъ въ сущности эти новые правила положительно ничего новаго въ себѣ не заключаютъ.

— На основаніи Высочайшихъ указовъ 10-го февраля 1878 года и 9-го января 1882 года, давныхъ правительствующему сенату, министръ финансовъ предложилъ государствен-

ному банку произвести выпускъ 6-го разряда обязательствъ государственнаго казначейства на двадцать милліоновъ руб., паритетнаго цѣномъ въ 500, 1,000 и въ 5,000 руб., срокомъ на шесть мѣсяцевъ.

— По поводу работы казановской комиссіи петербургская печать все еще продолжаетъ высказывать свои мнѣнія. «Новости» выступили съ дѣльнымъ обзоромъ мѣстныхъ управленій. По мнѣнію этой газеты, мѣстное или общественное земское управленіе должно быть совершенно самостоятельно въ заведеніяхъ и управленіи всѣмъ дѣлами, въ разсмотрѣніи тѣхъ вопросовъ, которые касаются интересовъ мѣстнаго населенія и требуютъ знакомства съ мѣстными условіями. Отвѣтственность за свою дѣятельность мѣстное управленіе должно нести передъ обществомъ, и центральное правительственное управленіе. На правительственныхъ агентствахъ долженъ лежать контроль, съ правомъ сообщать свои мнѣнія центральнымъ правительственнымъ учрежденіямъ, въ составѣ которыхъ должны проносите значительныя сокращенія, т. е. уничтоженіе невозможныхъ комиссій, департаментовъ и канцелярій. Министры остаются единственными посредниками между общественнымъ земскимъ управленіемъ и верховною властью. Составъ каждаго министерства можетъ быть ограниченъ тремя лицами: министромъ, его товарищемъ и секретаремъ министра. Упрощеніе функций министерскаго управленія и возведеніе его на степень высшаго авторитета въ глазахъ общества обязательно требуетъ полной солидарности между министрами, причемъ первенствующая роль должна принадлежать министру внутреннихъ дѣлъ. Послѣ такой организациі мѣстнаго и центрального министерскаго управленія на долю государственнаго совѣта остается законодательная роль, а на долю сената—только судебная власть и высшій контроль надъ центральными управленіемъ.

— По словамъ «Новаго Времени», комиссія, учрежденная для разсмотрѣнія дѣлъ поднадзорныхъ, подъ предѣлительствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, разсмотрѣвъ все дѣло, окончила свои занятія.

— По слухамъ, въ видахъ образованія спеціальной комиссіи при правительствующемъ сенатѣ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ быть учреждено земскій отдѣлъ.

— По словамъ «С.-Петербургскихъ Ведомостей», въ иждивеніи продолжателемъ времени императорскою академіею наукъ будетъ предпринято нѣсколько ученыхъ экспедицій на наши окраины. Необходимая матеріальная средства выскани.

— Комитетъ по составленію гражданскаго уложенія открылъ свои дѣйствія 31-го мая. Предѣлительствемъ редакціонной комиссіи назначенъ г. Старикій. Работы распределены между членами комитета. Точно также комиссія по пересмотру уловочныхъ законовъ открыла свои засѣданія.

— Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» опубликованы слѣдующія правила о женскихъ курсахъ при новороссійскомъ обществѣ естественнаго знанія. Курсы при новороссійскомъ обществѣ естественнаго знанія устраиваются исключительно для лицъ женскаго пола, желающихъ заняться математикой и естественными науками. Лекціи первого года могутъ служить подготовкою для тѣхъ слушательницъ, которыя имѣютъ въ виду поступить на медицинскіе курсы. Въ слушательницъ курсовъ принимаются лица, представившія свидѣтельство объ окончаніи женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній или дипломъ на учительское знаніе. Плата за годичный курсъ—40 рублей, которые вносятся пополугодію.

— Комиссія по пересмотру мѣстныхъ учреждений, подъ предѣлительствомъ статсъ-секретаря Каханова, 16-го іюня окончила частныя совѣщанія. Въ настоящее время, выработавъ способы разрѣшенія вопросовъ, поставленныхъ программой, комиссія, подъ личнымъ наблюдениемъ ея предѣлителя, приступила къ выработкѣ положеній, которыя осенью будутъ предложены на разсмотрѣніе усиленнаго состава комиссіи.

— Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ послѣдуетъ рядъ переимѣнъ. На мѣсто товарища министра, г. Готовцева, назначенъ вачалникъ варшавскаго жандармскаго округа, ге-

вераль-майор Оржевский. Управлявший земским отделом министерства тайный советник Барыков и управлявший центральным статистическим комитетом, тайный советник Семенов назначены присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ.

Редакторъ-издатель саратовской газеты «Волга», г. Юрелевъ, извѣщаетъ, что по неблагоприятнымъ обстоятельствамъ вынужденъ временно прекратить издание.

— Разрѣшены слѣдующія новыя повременныя изданія: въ Петербургѣ: тайному советнику Б. А. Милютину, съ дозволенія Предварительной цензуры, подъ его редакторствомъ, въ теченіи дѣтняго сезона наибышняго года, съ 30-го мая по 1-е сентября, ежедневную газету, подъ названіемъ: «Пародовскій Лѣтній Листокъ», и въ Казани, ординарному профессору Казанскаго университета, статскому советнику Н. П. Загоскину, съ дозволенія предварительной цензуры, подъ его редакторствомъ, ежедневный, политическій, общественный и литературный журналъ, подъ названіемъ «Волжскій Вѣстникъ».

— По словамъ «С.-Петерб. Вѣдомостей», вновь учрежденному «Сѣверному телеграфному агентству» правительствомъ сдѣлано огромное вспоможеніе, предоставивъ ему право безплатной передачи по правительственному телеграфу внутрь Россіи до 4.000.000 словъ въ годъ (ежедневно по 200 словъ) въ каждый губерскій городъ.

— Главное военно-учебное управленіе, какъ передать «Московскія Вѣдомости», представило мнѣніе о необходимости открытія еще двухъ военныхъ гимназій въ имперіи. При этомъ указывается на Варнаву и на одинъ изъ сибирскихъ городовъ, какъ на мѣста, удобныя для учрежденія гимназій.

— «Голосъ» передаетъ слѣдующія свѣдѣнія о гибели германскаго парохода «Augustus», въ Николаевскъ-на-Амурѣ: «Augustus» получилъ сильное поврежденіе на «Березового» острова, не доходя 60-ти верстъ до Николаевска-на-Амурѣ. Съ большими усиліями пароходу удалось добраться до Николаевскаго рейда, гдѣ онъ и затонулъ, не будучи въ состояніи выброситься на берегъ. Всего грузовъ на пароходѣ было на 800.000 руб., изъ нихъ третью часть удалось спасти, хотя и въ подмоченномъ видѣ, остальное же невозможно поднять, за немѣлкимъ въ Николаевскѣ надлежащихъ подъѣмныхъ средствъ. Все грузы были застрахованы въ всѣхъ иностранныхъ страховыхъ обществахъ и часть въ «Русскомъ Ллойдѣ». Вся команда парохода спасена. Несчастій съ людьми не было.

— Въ «Новое Время» телеграфируютъ изъ Барнаула, отъ 19-го іюня: «Въ Алтайскій горный округъ прибыла сегодня ревизионная коммисія, подъ предѣлительствомъ дѣйствительнаго статскаго советника Ржевскаго. Коммисія существуетъ ученая экспедиція, командированная петербургскимъ университетомъ. Назывъ переселенцевъ Рязанской, Тамбовской, Воронежской губерній въ Бийскій и Кузнецкій округъ особенно великъ; ходятъ экстренные поезда по повышенію цѣвъ изъ Екатеринбурга. Пароходы по Тюмени до Томска загружены пассажирами. На Алтаѣ цѣлый мѣсяцъ идутъ дожди.»

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Shrenk's Reisen und Forschungen im Amur-lande in den Jahren 1854—1856. В. III. Die Völker des Amur-landes. (Geographisch-historischer und anthropologisch-ethnologischer Theil). 1881. St.-Petersburg.

«Les différents races et peuples ont leurs propres formes crâniennes!» ил.: «autre crâne, autre race» и тому подобныя афоризмы не такъ давно считались аксиомами. Въ русской литературѣ давно уже выступилъ противъ подобныхъ увѣченій пров. Десгетъ, согласно которому произведенныя до настоящаго времени антропологическія измѣренія и

ислѣдованія отдѣльныхъ частей и органовъ мертвыхъ тѣлъ строятся главнымъ образомъ тѣмъ, что они сдѣланы на мамокъ чужихъ группъ, или частей ихъ; тѣмъ, что матеріалъ, служившій для изслѣдованія, былъ болѣею частью нечуждымъ происхожденія и, наконецъ, тѣмъ, что мамаи уже говорятъ о племенныхъ различіяхъ, т.-е. кое-что дѣли изслѣдованій не установили и не обработали точнаго метода изслѣдованія. Общій же выводъ, къ которому приходятъ г.-и. Десгетъ, состоитъ въ томъ, что однимъ крианологическимъ измѣреніямъ нельзя опредѣлить національности черепа. Д-ръ Таренскій, въ апрѣльскій свѣдѣніи «Международной Книжкѣ», за этотъ годъ въ М. посвященію Груберу въ честь его юбилея, помѣстивъ свою статью: «Крианологическія черты лица и измѣренія». Признавая, что черепа различныхъ народовъ представляютъ своеобразія и опредѣленные формы, онъ устанавливаетъ 54 вопроса по отношенію къ изслѣдованію череповъ и, особенно съ Итерингомъ, заданія крианологической науки ставить изученію и постановку явной характеристики и среднего типа черепа каждой племеніи и опредѣленіе границъ, между которыми каждый размахъ черепа можетъ варіировать у различныхъ племенъ. Но, вѣдая съ тѣмъ, что считать невозможнымъ, на основаніи опредѣленія формы и размаховъ череповъ, отыскать отличительныя признаки, которые специально характеризовали бы извѣстныя племя или расу. По его мнѣнію, невозможно допустить принятія въ расового, или національнаго череповъ; это говорить, что искать характерный типъ специально для русскаго, ирландскаго, французскаго и т. д. черепа столь же бесполезно и невозможно, какъ опредѣлять характерныя признаки славянскаго, англосаксонскаго и романскаго череповъ. И въ заключеніи г. Таренскій высказываетъ слѣдующее предположеніе: «Я думаю, что не далеко въ время, когда типичныя черепа, пока еще характерны для извѣстныхъ племенъ, исчезнутъ безусловно и мы получимъ при изслѣдованіи череповъ фактъ, совершившійся уже относительно національныхъ череповъ, Прегары, различныхъ народовъ, разрушаются съ каждымъ днемъ. Цивилизація и торговля проникаютъ въ отдаленнѣйшіе углы земнаго шара. Племена, окруженыя еще вѣсколю лѣтъ тому назадъ настоящею китайскою стѣною, вступаютъ въ кругъ всемірной торговли и сжижаются все болѣе съ признами другими націями. Какъ следствие этого, для формы черепа можетъ явиться только то, что въ будущемъ въ любой расѣ и любой племеніи должны будутъ встрѣяться все типы и размеры череповъ, принятые крианологами». Мы не можемъ здѣсь разбирать крианологическій матеріалъ г. Шренка, правда, незначительный, но должны все-таки замѣтить, что вообще крианологическія данныя не представляютъ ничего характернаго для различныхъ народовъ, обитающихъ въ Амурскомъ краѣ, и даже въ предѣлахъ одного и того же народа были находимы черепа съ противоположными качествами.

Что же касается основнаго положенія Шренка о преимуществѣ языка для этнологическихъ различеній, то и это положеніе, хотя и въ бесспорно, значительно подкрѣпляется авторитетомъ въ наукѣ по части лингвистики и антропологии. Овелокъ, авторъ извѣстной книги: «Языковѣдѣ», признаетъ, на основаніи тщательнаго анализа, что различіи лингвистическаго системъ не могутъ быть сведены къ одной и, стало быть, онѣ родились независимо другъ отъ друга въ различныхъ странахъ. Значитъ, первая существа, начавшия пріобрѣтать способность членораздѣльной рѣчи, пріобрѣли ее въ различныхъ мѣстахъ одновременно, и такимъ образомъ отъ нихъ вышло вѣсколю человѣческихъ расъ, съ самаго начала отличныхъ другъ отъ друга. Фелдеръ (Essai sur langue peule. Paris, 1875), пишетъ: «Такъ какъ главнымъ семействъ языковъ, невозможныя другъ отъ друга, вообще соответствующа великимъ расамъ человѣчества, то мы признаемъ, что рѣчь возникла независимо у разныхъ разновидностей того, что Фр. Мюллеръ называетъ homo primigenius, а французскіе антропологи «предшественникомъ челоука». Но въ исторической жизни народовъ языка могутъ исчезать, какъ и расы (Овелокъ). Тайлоръ, приводящій, какъ и Овелокъ, много примѣровъ утраты языка, и посвятившій языку и его эволюціи въ своей «Антропологіи» три главы, хотя и не считаетъ языкъ предшественникомъ племени и явного доказательства происхожденія челоука, однако дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Небреженіе сопоставленія языка и расы, какъ будто бы они неслиа плуать рука объ руку, уже не разъ приводило къ несправдливымъ антропологическимъ выводамъ. Тѣмъ не вѣдая, они вдуать рука объ руку въ значительной мѣрѣ. Пока люди одной расы и одного языка живутъ вмѣстѣ, среди своего народа, ихъ языкъ остается расовымъ признакомъ, общимъ имъ всѣмъ;

и хотя от времени до времени въ деле вживаются переселенія и скрещиванія, покореніе и рабство, такъ что національный языкъ народа не можетъ расквасить всю исторію предковъ полюдно, — все-таки онъ можетъ расквасить извѣстную часть ея, и именно самую важную часть. Въ заключеніи этой записки, мы позволимъ себя остановить вниманіе читателей на законѣ Кэтле, — законѣ, имѣющемъ значеніе въ приложеніи ко всѣмъ элементамъ антропологическаго анализа и каждому могущемъ служить руководящимъ принципомъ при оцѣнкѣ представляемаго г. Шранкомъ антрополого-этнологическаго матеріала, Законъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Извѣстно, что европеецъ, высадившійся среди каковаго-нибудь народа, непохожаго на него соплеменниковъ, сначала находитъ всѣхъ похожими другъ на друга. Послѣ нѣсколькихъ дней боле внимательнаго наблюденія, онъ начинаетъ различать ихъ индивидуальныя особенности, но сначала его вниманіе занято только различіями типическими чертами чуждой ему расы. Именно этотъ общій типъ желаетъ очертить и описать антропологъ и выбирать образчикъ его такія изображенія мужчинъ и женщинъ, котормъ выказываютъ эти характерныя черты наилучшимъ образомъ. Можно даже изобрѣсти типъ данного народа. Возьмемъ, напр., росъ. Если бы мы измѣрили и расположили въ рядъ все населеніе, то передъ нами бы оказался толпа людей, группирующихся около одного средняго, представляющаго типа: средній ростъ, будетъ имѣть наибольшее число людей, за тѣмъ число лицъ, имѣющихъ ростъ выше или ниже средняго, будетъ постепенно уменьшаться, пока не достигнетъ одного или двухъ исключенъ съ одной стороны и до одного или двухъ карликовъ съ другой. Это замѣтельное явленіе Кэтле выражаетъ въ видѣ такъ называемаго бимодальной кривой, пріемъ которой можно видѣть въ «Антропологіи» Тейлора. Мы лично также имѣли возможность убедиться въ справедливости этого закона при изслѣдованіи «этническихъ» чертъ въ повороборѣ Восточной Сибири, пріемъ мы располагали громаднымъ матеріаломъ, собраннымъ въ теченіи трехъ лѣтъ. Результаты этихъ нашихъ изслѣдованій были опубликованы въ свое время въ журналѣ «Здоровье» и въ изданіяхъ восточно-сибирскаго медицинскаго общества. Общее значеніе закона Кэтле сводится къ тому, что повидимому и грубые пріемы путешественниковъ, когда они безъ всякихъ измѣреній принимаютъ за

представителя расы такой типъ мужчинъ или женщинъ, котормъ, по ихъ наблюденіямъ, встрѣчаются въ большинствѣ случаевъ, на самомъ дѣлѣ оказываются довольно точными.

Д-ръ М. Писаревъ.

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 22 іюня. Курсъ на Лондонъ на 3 мѣс. 24¹/₂ пенса за рубль, на Парижъ 253 сантим., на Гамбургъ 206 пфен. Полу-имперіалъ 8 р. 26 к., рубль серебр. 1 р. 35 к.; 5% бнл. Госуд. Банка 1 вып. 94, 2 вып. 90¹/₂, 3 вып. 90¹/₂, 4 вып. 90¹/₂, 5 вып. 90. Восточный заемъ 88¹/₂, 5% Первый вышр. заемъ 220. Второй вышр. заемъ 211, 5% закл. лист. общ. взанія, позем. кред. (металл.) 128¹/₂, кред. 85, Облгд. Сиб. гор. кред. общ. 87¹/₂, Моск. гор. кред. общ. 87, 5% закл. лист. Тульск. зем. банка 82, 5¹/₂ % закл. лист. земск. банка Херс. губ. 92¹/₂, 6% закл. лист. Харьк. зем. банка 94¹/₂, Моск. зем. банка 99¹/₂, Сар.-Симб. зем. банка 88, Тифлисск. зем. банка 89¹/₂, Актіи Сиб. Части. ком. банка 250, акт. Волжск.-Камск. ком. банка 414, акт. Сиб. торг. банка 341, акт. Центр. банка русск. позем. кред. 59, акт. Сар.-Симб. зем. банка 70, акт. парох. общ. «Самолетъ» 185, акт. общ. «Кавк. и Мерк.» 460, акт. Русск. общ. парох. и торг. 725, акт. Главн. общ. Рос. ж. д. 255, акт. Рым.-Волж. ж. д. 71¹/₂, акт. Юго-Зап. ж. д. 94, акт. Гряз.-Цариц. ж. д. 87¹/₂. Въ Берлинѣ русскіе кредитные билеты по 203 мар. 65 пфен. за 100 рублей. Настроеніе биржи съ курсомъ слабѣе. Съ бумагами тихо, дѣль ибтъ.

IV ГОДЪ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“ 1882 ГОДЪ.

Большой иллюстрированный журналъ съ разными приложеніями и роскошными преміями; выходитъ ежемѣсядно (въ годъ 52 №№ или два большіхъ тома въ 1,200 страницъ и около 1,000 гравюръ).

Въ 1882 году въ журналѣ будутъ особенно подробно иллюстрированы: 1) Предстоящее коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ, и 2) Всероссийская художественно-промышленная выставка въ Москвѣ.

При журналѣ ежемѣсячно рассылаются бесплатно: 1) Двѣнадцать художественныхъ премій и 2) Новѣйшія парижскія моды. Кроме того въ годовые подписчики получаютъ главную большую премію, роскошную ОДЛОГРАФИЮ

съ новой картины проф. В. П. Воровскаго: «ЖЕЛАННАЯ ВСТРѢЧА», на исполненіе которой ассигновано 15,000 рублей.

Подписная цѣна на годъ: безъ доставки въ Сиб. 6 руб., съ доставкою въ Сиб. 7 руб., для иногороднихъ 8 руб., заграничу 10 р. Подписка принимается: въ Сиб., въ конторѣ редакціи, по Николаевской улицѣ, домъ № 48.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1882 ГОДУ ЖУРНАЛА

УСТОИ.

Литературный, научный и политическій журналъ „УСТОИ“ будетъ выходить въ 1882 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

1) Беллетристика, оригинальная и переводная: романы, повѣсти, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія. 2) Научный отдѣлъ: статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ, общественно-политическихъ и историческихъ наукъ. 3) Критика: общія статьи по вопросамъ литературнаго творчества; разборъ журналовъ и книгъ русскихъ и иностранныхъ. 4) Внутренній отдѣлъ: статьи по вопросамъ внутренней жизни, лѣтописи событій, корреспонденціи, судебныя отчеты. 5) Политическій отдѣлъ: обзорные статьи иностранныхъ государствъ. 6) Фельетоны: очерки современной русской и западной жизни. 7) Театръ и музыка. 8) Сибирь: краткія сообщенія и мѣсяч. записки. 9) Объясненія.

Въ журналѣ будутъ участвовать: К. Баранцевичъ, С. А. Венге-

ровъ, В. В., проф. Алексѣй Ник. Веселовскій, Н. Н. Златовратскій, проф. И. И. Иванковъ, проф. В. О. Калочевскій, проф. П. А. Костачевъ, Н. С. Курочкинъ, проф. В. А. Лебедевъ, Н. В. Максимовъ, Н. М. Минскій, Д. А. Мордочевъ, Н. Морозовъ, Н. И. Рауфовъ, В. И. Орловъ, А. В. Погочевъ, Г. Н. Потанинъ, Н. С. Румановъ, В. И. Семеновскій, проф. Н. И. Стороженко, проф. К. А. Тимирязевъ, Г. П. Успенскій, Ф. А. Шербица, Ф. Ф. Эрнстамъ, Ю. П. Юрко, проф. П. И. Янгулъ, Я. Б. Оедосвевъ.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, — С.-Петербургъ, Пущинская улица, д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ г. Дивершита, Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, д. № 46. Подписная цѣна: на годъ: безъ доставки 10 р., съ доставкою въ Петербургъ 11 р., съ пересылкою въ другіе города 12 р.; съ расчеркою на полгода: безъ доставки 5 р., съ доставкою въ Петербургъ 5 р. 50 к., съ пересылкою въ другіе города 6 р. Деньги за второе полугодіе вносятся въ 15 мая.

СЪ 1-го ЯНВАРЯ 1882 ГОДА

ГАЗЕТА

„КАВКАЗЪ“

ВЫХОДИТЪ ПОДЪ НОВОЙ РЕДАКЦІЕЙ

ЕЖЕДНЕВНО, НЕ ИСКЛЮЧАЯ ПОНЕДѢЛЬНИКОВЪ, въ количествѣ 345 №№ въ г.

Редакция приметъ всѣ зависящія съ ея стороны мѣры, чтобы придать газетѣ возможно болѣйшій интересъ, какъ расширеніемъ программъ, такъ и полнотою отдѣловъ, причемъ преимущественно вниманіе будетъ обращено на разработку мѣстныхъ вопросовъ.

ПРОГРАММА:

Часть официальная: Указанія, дѣйствія и распоряженія правительства, Высочайшія приказы, указы Намѣстника, циркуляры Намѣстника и Главнаго Управленія, извѣщенія, разнаго рода правительственныя и служебныя распоряженія.

Часть неофициальная: 1. Редукціонныя статьи: по вопросамъ, имѣющимъ общегосударственное или мѣстное значеніе. Ознакомленіе съ важными политическими событиями, преимущественно въ восточныхъ государствахъ, сопряженныхъ съ Кавказомъ.

II. Мѣстные извѣстія: а) Корреспонденціи изъ главнѣйшихъ пунктовъ края. б) Столичная и иностранная пресса о Кавказѣ. в) Туземная пресса: армянская, грузинская, татарская. г) Ходъ городского самоуправленія и вообще городской дѣла, какъ по Тифлису, такъ и по другимъ городамъ края. д) Новости о событіяхъ русской жизни. е) Тифлисская городская хроника. ж) Судебная хроника. з) Отчеты о заведеніяхъ мѣстныхъ ученыхъ и другихъ обществъ.

III. Фельетоны: а) Этнографическія статьи, бытовые очерки и путешествія по Кавказу. б) Рецензіи на книги, выходящія въ Россіи и за границей, касающіяся Кавказа. в) Обзорные общественныя жизни. г) Научное обозрѣніе.

IV. Смѣсь. Курьезы, анекдоты и разныя извѣстія.

V. Справочный отдѣлъ.

VI. Казенныя и частныя объявленія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой	Съ пересыл.
въ Тифлисъ.	инороднымъ.
руб. коп.	руб. коп.

На годъ	11	50	13	—
„ 6 мѣсяцъ	6	—	7	—
„ 3 мѣсяцъ	3	50	4	—
„ 1 мѣсяцъ	1	50	1	75

Подписка принимается въ г. Тифлисъ, въ которой газеты „Кавказъ“ на Дворцовой улицѣ, въ домѣ № 5. Иногородные адресуютъ свои требованія: въ Тифлисъ, въ редакцію газеты „Кавказъ“.

Разсрочка платежа подписчикамъ дѣлается допускается на слѣдующихъ условіяхъ: для городовыхъ подписчиковъ: при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 4 р. и къ 1-му августа 3 руб. Для иногородныхъ: при подпискѣ 6 р., 1-го апрѣля 5 р., 1-го августа 3 руб.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ.

на ежеднєвную, политическую, общественную и литературную газету

„ЭХО“

ПРОГРАММА КОТОРОЙ ЗАКЛЮЧАЮТЪ:

1) Перевода статьи. 2) Телеграммы. 3) Новѣйшія политическія извѣстія. 4) Русская печать. 5) Иностранная печать. 6) Корреспонденціи изъ-за границы политическаго содержанія. 7) Внутреннія корреспонденціи. 8) Хроника. 9) Эхо (голосъ и слухи). 10) Очерки петербургской жизни. 11) Очерки русской жизни. 12) Судебная хроника. 13) Театральная и музыкальная хроника. 14) Телефонъ (разныя мелкія извѣстія). 15) Маленькое „Эхо“. 16) „Эхо“ юмористики. 17) Листокъ. 1) Обзоры: а) русской журналистики; б) духовной журналистики; в) медицинской; г) промышленной; д) изобрѣтеній и извѣстій; 2) Вокресные фельетоны. 3) Иностранная хроника. 4) Романы, повѣсти и разсказы, русскіе и переведенные съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. 18) Биржевыя извѣстія и курсы. 19) Приѣзжшіе и выѣзжшіе. 20) Желѣзныя дороги. 21) Театры. 22) Скорбный листокъ. 23) Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1882 ГОДЪ:

На годъ	10	р.	—	к.
„ 6 мѣсяцъ	6	р.	—	к.
„ 3 мѣсяцъ	3	р.	50	к.
„ 1 мѣсяцъ	1	р.	—	к.

Для г. подписчиковъ „Современности“ г. д. 8 р. — к.

За границу: на годъ 16 р., на 6 мѣсяцевъ 9 р., на 3 мѣс. 5 р.

Подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшія номера газеты.

Подписка принимается: Литейный Просп., д. № 54.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“

Въ 1882 г. (годъ четырнадцатый) издается подъ редакц. В. П. Острогорскаго, семейными книжками не менѣе семи печатныхъ листовъ, съ иллюстраціями въ текстѣ, отдѣльными картинками и музыкальными приложеніями. Годовое изданіе составитъ четыре тома, болѣе 20 листовъ каждаго.

Въ журналѣ помѣщаются: Небольшія повѣсти и разсказы, очерки изъ народной жизни и быта промышленниковъ, биографіи, статьи по естественной исторіи, явленія природы, путешествія, техническія производствѣ и промыслахъ, занятія, игры, задачи, и проч.

Приложеніе: Педагогическій Листокъ (для родителей и воспитателей) Большая часть статей посвящается начальному образованію и домашнему воспитанію. Разбору педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ уделится значительное мѣсто. Педагогическій Листокъ выходитъ 4 раза въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1882 ГОДЪ ПРЕЖНЯЯ:

Безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 5 р. 75 к.

За Педагогическій Листокъ прилагается особо 1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи—въ Пушкискомъ, бывш. Новой улицѣ, д. № 10.

„Дѣтское Чтеніе“ за предѣлы года (1872, 1873, 1874 и 1875)

продается въ бумажной оберткѣ—8 р. за годъ, состоящей изъ двѣхъ томовъ: пересылка за 6 фунтовъ. За 1876 г.—5 р. въ перелѣтъ 6 р.;

пересылка за 8 фун. по разстоянію. За 1877, 1878, 1879 и 1880 г.—

по 6 р.; въ тисненномъ золотомъ перелѣтъ 7 р. 50 к. и пересылка за 9 фунтовъ по разстоянію.

Редакторъ Викторъ Острогорскій. Издатель В. П. Бородинъ.

Открыта подписка на 2-й (1882) годъ

политической и литературной газеты

„ТРУДЪ“

Газета выходитъ въ форматѣ обыкновеннаго газетнаго листа три раза въ недѣлю; по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, съ приложеніями по мѣрѣ необходимости.

Подписная цѣна: Съ пересылкою иногороднымъ: годъ 8 р.; полгода 5 р.

Пріемъ подписки въ главной конторѣ редакціи, въ КЕВѢ, на Михайловской ул., въ д. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Ежемѣсячный научный, литературный и политическій журналъ, безъ предварительной цензуры.

Подписка на 1882 годъ (третій годъ изданія) безъ доставки—15 р.; съ доставкой въ Москвѣ—16 р.; съ пересылкою—17 р.; за границу—19 р. Подписка принимается въ Москвѣ въ конторѣ журнала, на Долгоруковской улицѣ, домъ Дреземейера, и въ отдѣленіи конторы, въ д. Петровскихъ линій. При конторѣ Н. Печковой.

Редакторъ С. А. Юрковъ.

Редакторъ-Издатель В. М. Лавровъ.

МАГАЗИНЪ

УЧЕБНЫХЪ КНИГЪ И ПОСОБІЙ

С. Г. Александрова, въ Омскѣ,

высдѣлать по столичнымъ цѣнамъ учебныя книги и пособія по программамъ всѣхъ учебныхъ заведеній Сибири и Туркестанскаго края. Пересылка на счетъ покупателя.

Большой выборъ писмъ и чертежъ принадлежностей.

Редакторъ-Издатель Н. М. Ядрищевъ.